

Рада Теплинская

Только ты

«Литнет»

2026

Теплинская Р.

Только ты / Р. Теплинская — «Литнет», 2026

— Добрый вечер, Артём, — прошептала она, стараясь произнести слова спокойно, но голос выдал его — дрожь, которую невозможно было скрыть. Он кивнул — одно, короткое движение челюстью, словно подтверждая её существование. Но в этот миг взгляд его стал ещё плотнее, проникающим, будто он пробирался внутрь её, к самым глубинам, к тому, что она сама себе не позволяла разглядеть. — Алёна, ты выглядишь... очаровательно, — сказал он, медленно, с ударением на «очаровательно», будто каждое слово было проверено на прочность. Она растерялась. Ни одной подходящей фразы не нашлось. Мысли метались, как птицы в клетке. Что ответить? Спасибо? Благодарность? Улыбнуться? А потом — снова вспомнить, как в детстве учительница говорила: «Учись держать себя достойно». Но сейчас — совсем другое. Здесь, в этом пространстве, она почувствовала себя не женщиной, а девочкой, которая только что попала в игру, правила которой не знает. Её мысль оказалась не просто в голове — она была в теле: в напряжении пальцев, в учащённом сердцебиении, в том самом ощущении, будто кто-то встал рядом и говорит: «Ты здесь. Ты нужна. Ты — цель». И тут она поняла — она ведь никогда не умела флиртовать. Ни с кем. Ни в школе, ни в университете, ни даже в тех случаях, когда мужчины пытались заговорить с ней. Все эти годы она исключительно занималась собой: читала книги, работала над проектами, путешествовала, уединялась в деревне, вдали от людей. Потому что каждый мужчина, которого она встречала раньше, вызывал в ней страх — не потому что он был плох, а потому что она видела в них своих демонов. Взгляды, движения, смех — всё это напоминало то, что случилось с ней лет десять назад, когда она потеряла контроль, когда боль стала слишком большой, а память — слишком живой.

© Теплинская Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1	6
2	8
3	11
4	16
5	22
6	28
7	33
8	38
9	42
10	45
11	50
12	64
13	68
14	75
15	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

1

– Ты куда? – прозвучало в спину Артёма громким криком от Ани, словно выстрел, когда он повернулся, намереваясь покинуть гостиную. Воздух в комнате сразу же загустел, наполняясь предчувствием бури.

Артём нахмурил брови, чувствуя, как раздражение поднимается волной внутри него, и неохотно обернулся к жене. Он видел это множество раз: этот тонкий намёк на обиду в уголках её губ, эту тревогу, затаившуюся в глубине её серых глаз. И по этому выражению лица ему стало совершенно понятно, что сейчас последует гневная тирада, возможно даже с слезами. Он знал, что спорить бесполезно, лучше всего сначала выслушать её претензии, а потом, если повезёт, постараться успокоиться самому и найти компромисс. Но сегодня... сегодня все казалось особенно тяжелым, и желание просто убежать от этого напряжения было почти физическим.

– Оставь меня в покое, истеричка, – процедил он сквозь зубы, сам едва контролируя свой голос. Каждое слово звучало как удар молотка по раскалённому железу. В голове мелькнули образы прошлых ссор, бесконечных перепалок из-за мелочей, которые постепенно разрушали их отношения. – Ты меня уже достала своими допросами и скандалами. Каждый мой выход из дома превращается в сцену! Почему ты всегда должна выяснять, где я был, чем занимался, с кем встречался? Как будто я маленький ребёнок, которого нужно постоянно контролировать и опекать. Я уже забыл, когда в последний раз у нас дома было тихо и спокойно. Когда мы могли просто поговорить, ни о чём особенном, не касаясь старых обид и взаимных упрёков. Когда можно было просто быть вместе, наслаждаясь моментом... Вместо этого здесь царит атмосфера подозрения и недоверия. И знаешь, Ань, эта атмосфера душит меня больше, чем любая другая проблема.

Аня застыла на несколько секунд с раскрытым от неожиданности ртом. Она не ожидала такого отпора, такой резкости в словах мужа. Ей показалось, что он говорит эти вещи впервые. Мужчина действительно уже успел забыть, когда они могли нормально поговорить. И правда, она пыталась понять причину этой отстраненности, это постоянное напряжение между ними. Все началось около двух лет назад. Примерно тогда, когда в их дом въехала Эвелина.

Эвелина, младшая сестра Артёма по отцу, которую они никогда особо не видели в детстве, внезапно появилась в их жизни и стала для брата настоящей отдушиной, единственным человеком, которому он мог искренне довериться и рассказать обо всем, что его тяготит. Эта поддержка, эта возможность просто выговориться, была ему просто необходима, как воздух. Без нее он, казалось, просто начинал теряться, погружаться в себя и становиться еще более замкнутым и раздражительным. Аня понимала это интуитивно, видела, как светлеет лицо Артёма после встреч с сестрой, как возвращается какая-то энергия и бодрость. Но почему именно Эвелина стала для него столь важным фактором в жизни? Что между ними происходит? Этот вопрос мучил ее день и ночь, порождая чувство ревности и неуверенности, которое и приводило к этим самым "допросам" и "скандалам", так пренебрежительно описанным Артёмом.

– Не смей так со мной разговаривать, Артём! – выпалила Аня, и голос её дрогнул от возмущения. Она резко обернулась, уперла кулаки в изгиб талии, ощущая, как пальцы побелели от напряжения. Ярость захватила её целиком, лишив возможности думать рационально.

– А то что? – огрызнулся Артём в ответ, и в голосе его послышалась неприкрытая злость. – Снова начнёшь хвататься за сердце и рассказывать своим подругам, что я такой хуёвый и

завёл себе любовницу, а то и нескольких сразу? Прекращай уже вести себя, как конченная идиотка, которая придумывает себе мультики и сама же в это верит. Нет у меня любовницы. Моя любовница это работа. Это единственный человек, который мне хоть иногда улыбается и не пилит за каждое мое движение.

– Я не верю тебе! – возразила Аня, не в силах сдержать поток обвинений. – Ты же не просто так катаешься к своей «сестре». Там что-то происходит, я знаю это.

– Дура, блядь! – рявкнул Артём, выкрикнув это слово практически непроизнесённо. Его лицо исказилось гримасой гнева и отчаяния. – Конченная дура. Ты сама вообще слышишь, что ты говоришь?! Ты мне совсем паршивую жизнь устраиваешь. Зачем тебе это всё? Чего ты хочешь добиться? Разрушить всё, что у нас есть?

– Я хочу, чтобы мой муж проводил своё свободное время со мной, а не с девицей, которая взялась неизвестно откуда, – проговорила Аня, и голос её дрожал от подавленного гнева и обиды. Она сделала шаг вперёд, пытаясь приблизиться к мужу, но тот отшатнулся, словно от опасного животного. – Артём, ты даже не знаешь, что она за человек и что ей от тебя надо. Ты сначала...

– Заткнись уже! – взревел Артём, перебивая её, и в его глазах вспыхнул безумный огонь. Голос сорвался на хрип. – Просто заткнись и оставь нас с Эвелиной в покое. Ты меня задолбала уже. Я тебе миллион раз говорил, что Эвелина моя младшая сестра по отцу, но ты, сука, почему-то вбила себе в голову, что она моя любовница. Если не прекратишь это всё, я от тебя уйду. Уйду и не буду знать, что делать, но уйду.

– Значит так, да? – спросила Аня, и в её голосе появился холодный мстительный тон. Её плечи выпрямились, и она посмотрела на мужа с ненавистью, какую ещё могла испытывать жена к своему мужу. – Ты решил, что я просто так отступлюсь и не буду бороться за своё счастье? Хрен тебе, дорогой. Пусть лучше эта тварь малолетняя улепётывает в свою дыру, из которой она сюда приехала. Если она не оставит тебя в покое, я сделаю так, что она окажется на кладбище. Я не угрожаю, я предупреждаю.

2

Ярость охватила его, как порыв пронизывающего ветра охватывает землю. Он стиснул зубы, чувствуя, как кровь пульсирует в висках, а мир вокруг сужается до размеров этой душной кухни. Бросив взгляд на Аню, он резко развернулся и направился к двери, не говоря ни слова. Он вышел на улицу, запрыгнул на свой мотоцикл и мгновенно стартовал, оставляя позади дом и клубок неразрешенных проблем. Он ближе наклонился к рулю, мчащегося по дороге мотоцикла, и почувствовал, как вибрация двигателя передаётся через тело, сотрясая его до самого дна души. Он услышал, что рёв мотора вторит бешеному биению его сердца, заглушая все мысли, кроме одной – бежать, бежать как можно дальше от всего этого. Привычная маска спокойствия и учтивости, которую он тщательно поддерживал долгие годы, грозила вот-вот упасть и обнажить его гнев и разочарование: опасная смесь этих чувств могла убить любые доводы рассудка, превратить его в дикого зверя, потерявшего контроль над собой. Он вдавил газ до упора, стремясь к скорости, надеясь, что ветер смочит всю боль и горечь из его головы.

Он непременно вернет себе все похищенное, восстановит справедливость и получит обратно то, что было несправедливо от него отнято. Эта обжигающая мысль, словно зазубренный колючий шип, прочно засела глубоко в его сознании, неустанно подпитывая бушующий гнев и стальную решимость. Она пульсировала в каждой клетке тела, требовала действий, мести, возмездия. Он чувствовал себя лишенным чего-то важного, фундаментального, и эта пустота внутри требовала заполнения – возвращения утраченного.

Лунный свет, холодный и бесстрастный свидетель событий, озарял путь мотоциклиста, стремительно пересекающего границу обширного соседского участка земли, принадлежащего влиятельному и богатому семейству. Серебристый блеск луны заливал узкую грунтовую дорогу, превращая ее в мерцающую ленту, и окружавшие её высокие деревья, вырисовывая причудливые тени на земле. Каждый луч казался направленным именно на него, подчеркивая важность его миссии, значимость его поступка. Мотоцикл двигался плавно и уверенно, будто хищник крадется к добыче.

В роскошном доме, величественном оплоте богатства и власти, расположенном на вершине холма, увенчанном вековыми соснами, мирно спал отец Ани и Алёны, господин Эрик Блэквуд. Его храпение, громкое и ритмичное, нарушало тишину ночи, а тяжелое дыхание наполняло воздух запахом дорогого одеколona и спокойствия. Он крепко посапывал в свою шелковую подушку, полностью погруженный в блаженную беспечность сна и абсолютно ничего не подозревающий о назревающем конфликте, о гневe, который вот-вот ворвется в его размеренную жизнь, перевернув всё с ног на голову. Ему был чужд тот мир боли и обиды, который терзал того, кто сейчас приближался к его владениям на мотоцикле, движимый жаждой справедливости и желанием вернуть свое.

Даже не осознавая, что от него, от его взвешенного решения и кажущегося простым молчаливого согласия, зависело исполнение всех заветных мечтаний этого человека, что он, сам того не подозревая, держит в своих руках волшебный ключ к ним – ключ к долгожданному успеху, к стабильности, к будущему, о котором так мечтали оба поколения семьи – у свекра не было никаких тайных намерений, никакой злобы, скрытой обиды или намеренного желания причинить боль Артёму.

Отказ от предложения Артёма, сделанного много лет назад, когда тот, полный энтузиазма и юношеского максимализма, предложил ему стать партнером в новом перспективном предприятии, был продиктован соображениями исключительно практического свойства, холодным

расчетом рисков и потенциальных потерь. В те годы бизнес был непредсказуем, а стаж работы в консервативной сфере прививал осторожность и недоверчие к быстрым заработкам. Тогдашние инвестиции казались непомерно дорогими, шансы на успех - призрачными, а возможные убытки могли поставить под угрозу благополучие всей семьи.

Он помнил истории о разорившихся предпринимателях, о рухнувших империях, построенных на песке надежд и оптимизма. Свекр просто видел реальную картину, оценивал риски исходя из своего опыта и знаний, и считал своим долгом оберегать семью от возможных бедствий. Он не стремился одержать победу в этом противостоянии, не испытывал чувства превосходства над молодым человеком, и Артём, если бы знал все обстоятельства тех давних дней, не стал бы его обвинять в несправедливости, не стал бы видеть в отказе преднамеренную попытку навредить.

Однако, несмотря на рациональное объяснение произошедшего, глубоко внутри, где-то в самой глубине души, дремал дикий зверь, древний инстинкт самосохранения, который теперь пробудился с новой силой. Этот зверь жаждал торжества справедливости, жаждал вернуть утраченное равновесие мира, нарушенное годами ожидания и тщетных усилий Артёма доказать свою правоту, вернуть гармонию в их отношения, которую разрушили не столько слова, сколько непроговоренные обиды и взаимные упреки. Это была жажда восстановления порядка вещей, где заслуги будут оценены по достоинству, а ошибки – прощены и забыты.

Укрощение зверя всегда было нелёгкой задачей, требующей терпения, мудрости и понимания природы самого существа, будь то дикий зверь или бушующая внутренняя ярость. Артём обвёл взглядом окружающие его земли – бескрайние поля, уходящие вдаль леса, тихие реки, отражавшие лунный свет – и медленно вдохнул свежий холодный воздух, пахнущий опавшими листьями и влажной землей. Этот вдох, такой чистый и первозданный, подействовал на его разгорячённую душу как успокаивающий бальзам, постепенно растворяя накопившийся гнев и разочарование. Тени кустарников и деревьев, сплетающиеся друг с другом в причудливые формы, показались ему старыми друзьями, верными союзниками в борьбе с внутренним хаосом; они хранили свои секреты веками, наблюдая за сменой времен и человеческих судеб. Темнота, окутавшая его, словно тёплая накидка, защищала от постороннего внимания, позволяя побыть наедине со своими мыслями, почувствовать связь с природой, ощутить себя частью чего-то большего. Луна в небе теплилась тающей свечой, бросая серебристые блики на землю и создавая атмосферу таинственности и покоя. Звезды загадочно мерцали в вышине, словно шептали древние истины и напоминали о бесконечности Вселенной.

Зверь, рычащий, но укрощенный, с неохотой исчез в тёмных закоулках души, оставив после себя лишь лёгкое покалывание тревоги и чувство незавершенности. Но это уже было большим шагом вперед, признаком того, что борьба не бессмысленна, что даже самые глубокие раны можно залечить. Всё же хорошо, что он выехал за город, подальше от суеты и чужих глаз, подальше от напоминаний о недавнем конфликте. Здесь, среди тишины и величия природы, ему всегда было спокойнее, здесь он мог услышать голос своей души и найти ответы на мучившие его вопросы. Здесь он чувствовал себя дома.

Мотоцикл под ним глухо рычал мотором, словно живое существо, интуитивно чувствующее душевное состояние хозяина, словно понимая всю тяжесть переживаний и необходимость срочного бегства. Этот звук был почти осязаемым, словно мотоцикл тоже страдал вместе с Артёмом, разделяя его боль и отчаяние. Мотор желал поскорее умчаться от навязчивого шепота демонов Артёма Королёва — от этих гнетущих воспоминаний о внезапно вспыхнувшей ссоре, от терзающих сомнений в собственных действиях и мотивах, от несправедливых

обвинений, звучащих как удар под дых, от эха резких слов, сказанных в пылу спора и теперь режущих слух и сердце. Мотор урчал низким, утробным звуком, словно пытался заглушить внутреннюю боль Артёма, словно хотел перенести его далеко-далеко от места происшествия, подальше от болезненных воспоминаний и неразрешенных противоречий, от всего того, что отравляло его мысли и лишало сил.

Каждый визг шины, оставляющий тонкую полоску света на темной дороге, каждый толчок от ветра, вторгающийся сквозь щели шлема, казалось, помогал избавиться от груза прошлого, стирая неприятные впечатления и приближая момент обновления и нового начала, даруя ощущение свободы и скорости. Мотоцикл был не просто средством передвижения, а верным спутником в этой внутренней битве, мощной машиной, поддерживающей стремление обрести вновь душевное равновесие и вернуться к жизни после пережитого потрясения.

3

Алёна Симонова поплотнее запахнула на себя шерстяную шаль цвета слоновой кости, прикрываясь ее мягким, уютным теплом от промозглого осеннего воздуха, который проникал даже через неплотно закрытое окно автомобиля, и одновременно пытаясь хоть немного оградить себя от наваливающих тревожных мыслей, от жгучего чувства стыда и сожаления. Она машинально наблюдала за тем, как за окном машины, затянутые легкой, призрачной дымкой, мелькают виды загородного пейзажа, освещаемые холодным, бледным лунным светом: угрюмые силуэты деревьев, склоняющихся под порывами ветра, словно оплакивающих прошедшее лето, полевые дорожки, усеянные ворохом опавших, разноцветных листьев, похожих на осколки разбитых надежд, и редкие, одинокие огоньки домов вдалеке, обещающие тепло и безопасность. Тихий, едва различимый бубнёж водителя такси, сопровождаемый еле слышным напевом какой-то неведомой ей, возможно, старой народной мелодии, и периодический звук клаксона, деликатно используемый для предупреждения других участников движения и избегания нестандартных ситуаций, неуклонно напоминали ей о том, что этот человек, совершенно незнакомый ей, старается изо всех сил, проявляя максимум профессионализма и доброжелательности, чтобы исполнить ее просьбу и доставить ее домой как можно скорее, невзирая на поздний час, не самую лучшую погоду и, вероятно, усталость. Алёна чувствовала искреннюю благодарность к этому незнакомому человеку за его старания и надеялась, что скоро сможет хотя бы коротко поблагодарить его за оказанную помощь и поддержку в столь непростой ситуации.

Алёна Симонова машинально бросила взгляд в тёмную, слегка потную пустоту салона автомобиля, где лишь слабый отблеск фар и фонарей отражался от тёмной обивки сидений, и невольно поёжилась, ощущая неприятный холодок пробежать по позвоночнику и вызвав мимолётное сожаление о том, что отпустила подругу домой раньше времени. Но роды её близкой подруги матери неожиданно затянулись, превратив ожидаемое быстрое событие в длительное и тревожное ожидание, и Алёна не смогла поступить иначе, чем оставить Эвелину рядом с семьей, не желая разлучать её с самыми близкими людьми на такой долгий срок, полный беспокойства и напряжения. Она могла спокойно вернуться домой к своему любимому брату, который обожал её всем сердцем и всегда готов был поддержать в любой ситуации, но вместо этого она сейчас направлялась в дом Самойловых, поскольку дала чёткое обещание заботливой Антонине Семёновне, опытной акушерке и уважаемой женщине в округе, присутствовать при рождении ещё одного отпрыска, обеспечивать необходимую поддержку и оказывать любую помощь. Она наивно полагала, что всё закончится достаточно быстро и ей удастся вернуться домой к ужину, присоединившись к семье и поделившись новостями дня, но сейчас в тусклом свете фар и под монотонный гул колёс, эта уверенность начинала таять, словно утренний туман.

Дело в том, что десятая беременность Антонины Семёновны, женщина сильная духом и крепкого телосложения, несмотря на оптимистичные прогнозы, протекала с серьёзными осложнениями, которые стали проявляться ближе к концу срока. Эти осложнения были связаны с преэклампсией – состоянием, которое ставило под угрозу как здоровье матери, так и развитие будущего ребенка. Врачи с самого начала предупреждали о возможных рисках и готовились к различным сценариям развития событий, однако даже тщательная подготовка не могла полностью исключить необходимость экстренного вмешательства. Поэтому роды оказались сложным и напряженным процессом, потребовавшим максимальной концентрации, профессионализма и самоотверженного участия всего медицинского персонала отделения патологии роддома.

Алёна, младшая дочь подруги Антонины Семёновны, была рядом с будущей матерью все эти месяцы, поддерживала её морально и физически, а теперь оказалась неотъемлемой частью команды, помогающей врачам стабилизировать состояние матери после изнурительного процесса родов. Ей пришлось задержаться почти до полуночи, наблюдая за борьбой между жизнью и смертью, чувствуя всю тяжесть ответственности за судьбу матери и новорожденной крохи. Она помогала сестрам и фельдшерам переносить медикаменты, успокаивать обеспокоенную мать, следить за показателями мониторов и просто быть рядом, оказывая поддержку и вселяя надежду. Особую роль сыграло сотрудничество с доктором Артюховым, уважаемым врачом с многолетним опытом работы и старым знакомым семьи - еще с юных лет он был семейным врачом и всегда пользовался огромным доверием у Антонины Семёновны. Именно доктор Артюхов руководил процессом родов, принимая взвешенные решения и координируя действия всей бригады.

Когда, наконец, прозвучал долгожданный плач – первое крик новорожденного существа – это стало символом победы медицины над болезнью, торжеством жизни над отчаянием. Алёна видела, как доктор Артюхов бережно принимает здоровую новорожденную девочку на руки, внимательно осматривает ее и передает медсестре для первичного осмотра и обработки. Этот момент казался невероятно важным и волшебным, подтверждением того, что все усилия не прошли даром и что и мать, и ребенок остались живы и здоровы.

Водитель внезапно и жестко затормозил машину, вызвав резкий рывок и неприятный толчок вперед. Мышцы, давно не привыкшие к подобным нагрузкам из-за малоподвижного образа жизни, мгновенно затекли болезненной судорогой, сопровождая свое состояние ощутимым протестом – тупой, ноющая болью в спине и ногах. Она инстинктивно плотнее укуталась в тонкую куртку, пытаясь хоть немного согреть заледеневшее тело и подавить дрожь, пробегающую по телу. Невидимые холодные нити этой промозглой ночной погоды будто проникли в самую суть ее существа. Проклиная эту позднюю поездку, этот вечер, эту ночь вообще, она ощутила, как гнев смешивается с усталостью и бессилием. Но ещё большее отвращение, гораздо более глубокое и личное, чем к холоду и темноте, вызывал в ней парализующий, всепроникающий страх – тот самый, который поселился внутри нее много лет назад и никак не желал покидать ее сознание. Он заставлял ее настороживаться при малейшем движении окружающих объектов, превращая каждый шорох ветра в шепот, каждую тень от деревьев, скользящую по дороге, в зловещее предзнаменование. Прошло уже семь долгих лет с тех пор, как все произошло, семь лет стараний забыть, вычеркнуть из памяти кошмарные картины прошлого. Однако время не смогло исцелить раны, оставленные ими навсегда. Она пыталась жить дальше, строить новую жизнь, находить радость в мелочах, но этот призрак прошлого неумолимо следовал за ней, напоминая о пережитом ужасе. Она до сих пор не могла стряхнуть с себя чувство первобытного ужаса, внушенное теми людьми, теми чудовищами, которые отобрали у нее частичку души и оставили шрам на сердце, который кровоточил воспоминаниями о жестокости и безысходности.

Уставшая до изнеможения, физически и эмоционально истощённая после долгого и трудного дня, Алёна с трудом подавила подступающие слёзы. Она чувствовала, как предательская дрожь пробегает по телу, а внутри всё будто выкручивается, словно старая пружина. И эта дрожь была порождена глубоким отчаянием – ощущением безнадежности, которое крепко укоренилось в её душе. Отчаянием, произросшим из уверенности, что ей никогда не суждено испытать ту самую, обыкновенную радость жизни, которую так легко дарится другим.

Радость быть женой... видеть улыбку любимого человека, чувствовать его поддержку и тепло, делиться с ним повседневными заботами и маленькими победами, строить планы на

будущее, держась за руки в моменты счастья и находя опору друг в друге в минуты трудностей. Всё это казалось для неё недостижимой мечтой, далекой и навсегда ускользающей.

Радость быть матерью... наблюдать, как растут твои дети, учить их первым шагам, помогать им открывать мир, гордиться их успехами, обнимать их и защищать от всех бед. Вместо этого перед глазами стояли лишь размытые образы счастливых семей, мелькающих в рекламных роликах или случайно встреченных на улице – контраст с ее собственной реальностью становился невыносимым ударом.

Наслаждаться самой жизнью – простыми вещами: прогулкой по парку в тёплую погоду, чашкой ароматного кофе утром, чтением интересной книги вечером, смехом друзей, пением птиц за окном... Все эти мелодии обычной жизни были заглушены тревожным звоном постоянного страха. Страх, который парализовал волю, лишал сил и возможности радоваться каждому прожитому дню. Жизнь, в которой не было бы места этому всепоглощающему страху – вот о чём грезил Алёна, но каждый новый день казался лишь подтверждением того, что такая жизнь останется для неё лишь несбыточной фантазией. Жизнь, в которой не было бы места страху.

Она мечтала о счастье с такой отчаянной силой, что ей казалось, будто для его достижения можно было бы взобраться на пик самой неприступной вершины, пробираясь сквозь ледяные ветра и колючие скалы, или пересечь бескрайние океаны, сражаясь со штормами и гигантскими волнами. Счастье манило ее, словно далекая звезда, обещавшая тепло и покой. Но этот светлый образ постоянно омрачался одной непреодолимой преградой – парализующим страхом. Этот страх был не просто тревогой, а чем-то гораздо более глубоким и первобытным, каким-то омерзительным животным инстинктом самосохранения, пробуждавшимся при малейшей мысли о физическом контакте. Простое воображение того, что чьи-то руки коснутся её кожи, вызывало мгновенную и всепоглощающую реакцию. Алые всполохи ярости смешивались с леденящим душу чувством беспомощности, а дыхание захватывало, как будто вокруг нее стягивали тугую петлю из невидимого шпагата. Она теряла контроль над собой, разум ослаблялся, и Алёна чувствовала себя загнанным зверем, брошенным в угол, который отчаянно пытается защитить свою единственную слабость – себя саму.

И как же тогда возможна мысль о семье, о детях, о продолжении рода, когда сама перспектива легкого касания мужа повергает ее в пучину панического ужаса? Как она сможет разделить с ним жизнь, наполненную любовью и близостью, если даже не способна представить себе момент, когда его рука коснется ее плеча, ее ладони, ее лица? Эта мысль была невыносима, подобна наказанию.

Внезапность могла выбить из колеи кого угодно, но водителя застигла врасплох настолько неожиданно, что машина резко затормозила, взвизгнув тормозами. Алёна, совершенно не ожидая такого поворота событий, потеряла равновесие и с глухим стуком упала на землю, запутываясь в складках своей длинной, тяжелой юбки из плотного бархата. Ткань зацепилась за ветку куста, удерживая ее в неудобной позе.

Голос, грубый и незнакомый, прорезал тишину дня, словно удар клинка: "- Заглушите мотор и покиньте машину!"

Холод сковал каждую клеточку ее тела. Кровь, еще секунду назад теплившая в венах, теперь застыла в жилах, словно подхваченная морозом. Сердце бешено колотилось в груди, пытаясь вырваться наружу. Дорожные грабители? Здесь, посреди этой глухой дороги, вдали от цивилизации? Неужели это возможно? Это казалось абсурдным, нереальным... но взгляд на

суровое лицо человека, стоящего у машины, говорил об обратном. Страх, уже дремавший в глубине души, пробудился с новой силой, затмевая все остальное. Мир сузился до размеров автомобиля и фигуры человека, угрожающе приближающегося к ней.

Спереди, словно выныряющий из ниоткуда, раздался оглушительный крик, полный боли и отчаяния. Это был узнаваемый, тревожный голос Айшат, звучащий так отстраненно и искаженно в сложившейся ситуации. Затем, словно подтверждение худших опасений, до слуха Алёны донесся четкий, резкий щелчок пистолетного механизма, который эхом отразился от металлических стенок салона машины, создавая ощущение неминуемой беды. Звук был настолько отчетливым, что казалось, будто он врезался прямо в мозг. Вслед за этим, где-то снаружи, раздался приглушенный удар, звук которого утонул в гудении двигателя и нарастающем шуме страха. Он был коротким, но ощутимым, словно кто-то получил удар по металлическому корпусу автомобиля.

Инстинкт самосохранения взял верх над разумом. Алёна вскрикнула, коротко и испуганно, и, словно раненая птица, мечущаяся в поисках безопасного места, заметалась по салону машины. Она пыталась укрыться, найти хоть какое-то подобие защиты в этом железном пленнике. Паника толкнула ее в самый дальний угол машины, туда, где меньше всего шансов быть замеченной или пораженной. Длинные волосы, аккуратно собранные в сложную прическу, растерялись, вырвались из строгих рамок и теперь хаотично свисали на плечи, лишая ее привычного чувства контроля над собой. Испуганные, дрожащие пальцы судорожно схватили ближайшие шпильки, которые удерживали безупречную прическу, и поспешно выдернули их, не заботясь о том, что они могут поцарапать кожу. Белое от напряжения и страха, кожа рук казалась полупрозрачной в бледном свете кабины. Каждая деталь происходящего усиливала ощущение неминуемой опасности и безысходности.

Звуки шагов, уверенных и неотвратимых, приблизились к машине, каждый шаг отдавался эхом в напряженном молчании. Они были словно предвестники бушующего надвигающейся катастрофы. Инстинктивно, желая уменьшить себя, сделать менее заметной, исчезнуть, Алёна судорожно завернулась в тонкую шаль из шелка, надеясь, что эта хрупкая ткань поможет ей слиться с тенью, стать маленькой и незаметной, словно частица пыли в луче света. Однако, все было тщетно. Затем, без предупреждения, дверь машины резко распахнулась, выпустив поток холодного вечернего воздуха и обнажив фигуру предводителя шайки. Его лицо, освещенное зловещим лунным светом, было искажено злорадной ухмылкой, подчеркивающей его жестокость и превосходство. Ухмылка была не просто выражением удовольствия, а демонстрацией власти, торжества зла над невинностью. Его зубы, неровные и потемневшие от времени и, вероятно, от небрежного отношения к здоровью, в лунном свете казались тусклой, жутковатой белой полоской, добавляющей его облику еще больше утрашения.

– Ну-ну, дорогуша, доброму тебе вечера! – насмешливо произнес он, в голосе слышалось явное презрение и желание унижить жертву. Голос был низким и хриплым, словно пропитан дымом и грязью. Он открыто смеялся над ней, явно наслаждаясь её беспомощностью, наблюдая за тем, как страх рисует на лице картины отчаяния.

Но именно в этот момент, когда казалось, что вся надежда потеряна, в Алёне вспыхнула ярость, дикая и неконтролируемая. Она больше не была той робкой и испуганной девушкой, которая несколько секунд назад пряталась в углу машины. Ярость дала ей силы, помогла собраться и действовать. Не раздумывая, Алёна проткнула руку разбойника зажатými в кулаке шпильками, выпущенными ранее из волос. Действие было быстрым и болезненным. Разбойник взвыл от неожиданной боли, увидев капли крови, выступившие на его коже, и рефлекторно отпустил юбку Алёны, которую успел схватить в порыве агрессии. Воспользовавшись

этим моментом, Алёна быстро переметнулась на другой конец сиденья, стараясь создать между собой и нападающим максимальное расстояние. Он успел схватить её за лодыжку, но она, собрав последние силы, изо всех сил лягнула его в грудь. Удар был неожиданным и мощным. Разбойник завалился назад, от неожиданности и боли, завопив от неожиданности и собственной беспомощности.

Ей удалось распахнуть дверцу, несмотря на сопротивление металла, словно преодолевая последний барьер на пути к свободе. Все еще крепко сжимая в дрожащей руке острые шпильки, оружие, приобретенное в отчаянной попытке самозащиты, она выскользнула из машины, оказавшись на холодной, влажной земле. На секунду замерла, тяжело дыша, ощущая вкус свободы на своих губах, прежде чем осознала всю серьезность положения. Поколебавшись минуту, оценивая ситуацию, она поняла, что единственное спасение, хоть какая-то возможность избежать дальнейшего насилия, — укрыться в тёмных, непроглядных лесных зарослях, начинавшихся сразу у дороги. Заслышав вновь звуки шагов, на этот раз с противоположной стороны машины, она решила не терять ни секунды, и, забыв обо всем, кроме одного лишь желания выжить, помчалась без остановки в сторону леса, спотыкаясь и падая, но поднимаясь снова и продолжая бежать.

Внезапно, словно из ниоткуда, чья-то рука крепко обхватила её талию, останавливая её бег и лишая возможности двигаться дальше. Резкий рывок вырвал ее из равновесия. — Одну минуточку, — прозвучал неприятный голос, принадлежащий тому же бандиту, который появился из темноты. Его дыхание было горячим и тяжёлым на ее коже. Его руки были сильны и цепкими. Бандит потянул её за собой, и её обдало резким, неприятным запахом дешевого пива, перемешанного с едким запахом нечищенных зубов, запах, говорящий о пренебрежении к самому себе и окружающему миру.

— Ты отправишься с нами, дорогуша, — проговорил он, в голосе звучало угрожающее предопределение.

Её объял ужас, ледяной и всепоглощающий. «О Господи, нет! Снова это?» — промелькнуло в голове, словно заклинание, которое нельзя изменить. Мерзанец тащил её к машине, как мешок с провизией, не считаясь с ее сопротивлением и достоинством, и ее ноги, ослабленные страхом и усталостью, безвольно волочились по земле, оставляя на влажной траве следы отчаянной борьбы. Внутри всё протестовало против этого насилия. "Нет, больше нет", — тихо и отчаянно повторяла она про себя, как молитву, как заклинание, как последнюю надежду. Эти слова словно пробуждали ее к жизни, возвращая часть утраченных сил. Гнев, подавленный страхом, начал подниматься, как лава, вытесняющую весь негатив. "Никогда больше, ни за что больше".

Она рванулась прочь, используя всю силу, заключенную в её слабом теле, и наградой стало оглушительное, полное боли и гнева восклицание негодяя, которому она случайно угодила шпилькой прямо в глаз. Резкая боль пронзила его, и он рефлекторно отпустил её, зажимая кровоточащую рану руками, через пальцы которых тут же хлынула ярко-алая кровь. Она отпрянула от него, пятась на четвереньках, инстинктивно стремясь увеличить дистанцию между собой и источником угрозы, пока наконец, собравшись с силами, не поднялась на ноги и не метнулась к темному, манящему лесу.

4

Алёна слышала позади тревожные, полные ярости и разочарования окрики преследователей, но сознательно отказывалась оглядываться, фокусируясь исключительно на задаче выжить. Она бежала что было мочи, спотыкаясь о корни деревьев и камни, проклиная свои слабые ноги, но не позволяя себе остановиться. Но внезапно, словно ударила молния, её спину пронзил резкий удар, невероятно мощный и болезненный, который буквально придавил её к земле неподъемным грузом, лишив возможности двинуться вперед. Воздух выбило из легких, и на мгновение ей показалось, что она совсем перестанет дышать, мир померк перед глазами, а в ушах зазвенело. Боль была ошеломляющей, стирая все остальные ощущения, кроме острого чувства беспомощности и страха.

– Ну что, дорогая моя ведьма, – прорычал кто-то ей в самое ухо, голос был густым и неприятным, словно пропитан табаком и грязью, – давай продолжим, а? Слова были произнесены с нарочитым пренебрежением и злорадством, как будто произносящий получал удовольствие от самого процесса унижения.

Застигнутая врасплох, абсолютно обездвиженная, распластанная на сырой земле, она не могла и пальцем шевельнуть, парализованная страхом и болью. Чувство бессилия было почти материальным, словно придавливало её к земле невидимыми цепями. Он похотливо об неё бедром, движение было грубым и оскорбительным, вторгающимся в личное пространство, как вторжение в священное место. Слезы, подступающие к глазам, готовые брызнуть потоком отчаяния, были едва различимы в полумраке леса, но она с огромным трудом сдержала себя. Она поклялась себе, что никогда не позволит им увидеть свой страх. Ни за что на свете она не доставит этому мерзавцу такого удовольствия – он не увидит её страх, не получит удовлетворения от её страданий. Однако внутри Алёны бушевал ураган ужаса. Её душа трепетала от ужаса, как птица в западне, в глазах плясала тень воспоминаний, а в голове оживали картины прошлого, каждая страшнее предыдущей, словно кадры кошмарного фильма, бесконечно повторяющегося в её сознании.

– Ты нам нужна для выкупа, – сказал он, облизывая её шею языком, действие было одновременно отвратительным и угрожающим, – но никто нам не запретит сначала позабавиться с тобой как следует. Голос был мягким и сладким, но за ним скрывалось что-то зловещее, обещающее новые страдания и унижения.

Холод пронзил ее кожу, словно тысячи ледяных игл вонзились под тонкую ткань платья, и этот мимолетный трепет вызвал у него резкий, насмешливый смех, эхом отразившийся в полумраке помещения. Он поднялся с пола, не спеша, будто наслаждаясь ее беспомощностью, его движения были плавными и уверенными, выдававшими опытного хищника. Она с трудом приподнялась на локтях и коленях, поддерживая себя слабыми руками, и жадно вдохнула затхлый воздух – каждая клеточка тела требовала кислорода после пережитого кошмара. В этой короткой паузе, когда она пыталась восстановить силы, её мучитель внезапно и жестоко дернул её за длинные, волнистые пряди волос, которые аккуратной пучок собраны над лбом, заставляя ее со скрипом встать на ноги, чувствуя боль и унижение. Её голова закружилась от этого неожиданного рывка, и мир на мгновение поплыл перед глазами. Она, преодолевая слабость, подняла голову и взглянула ему в лицо – перед ней стоял он, лидер всей этой мерзкой шайки, тот самый бандит, которого ей чудом удалось поранить в руку пару дней назад во время неудачной попытки бегства. На лице его появилось выражение превосходства, подчеркивающее ее полную зависимость от него.

– Пора уже избавиться от этих коготков, – холодно произнес он, слова звучали как приговор, лишенный всякого сочувствия. Голос был ровным, бесстрастным, что делало его угрозу еще более зловещей. Он схватил её кисть руки, крепко сжав костяшки пальцев, и грубо вывернул запястье, причиняя острую, режущую боль. От боли она непроизвольно вскрикнула, звук получился тихим и жалобным, и инстинктивно разжала пальцы. Десятки мелких шпилек, удерживавших сложные локоны, посыпались в густую траву, словно маленькие осколки разбитой надежды. Они рассыпались повсюду, блестя на свету, как миниатюрные знаки ее прежней жизни, которой теперь, казалось, никогда не видеть.

– Так-же лучше, – злобно усмехнувшись, вымолвил он, в его глазах плясало неприятное торжество. Улыбка была кривой и лицемерной, демонстрирующей полное отсутствие уважения к пленнице. Этот жест был демонстрацией власти, подтверждением того, что он контролирует каждый ее шаг и каждое движение.

Алёна яростно сопротивлялась, цепляясь за него зубами и ногтями, царапая кожу, но все было тщетно – он продолжал тащить её к черному автомобилю, который ждал их неподалеку. Она отчаянно пыталась вырваться из его хватки, бросая в него ругательства и уродливые слова, которые вырывались из горла сквозь слезы, однако он крепко держал в кулаке ее густые, каштановые волосы, ощущая, как они тянут ее вниз, препятствуя движению. Наступив на краешек своей тонкой шали, украшенной цветочным орнаментом, она споткнулась о выступающий камень и неуклюже упала навзничь на холодную, влажную землю. Бандит растянул губы в презрительной ухмылке, которая исказила его лицо до гротеска, и, снова встряхнув ее с силой, поставил на ноги, словно играясь с пойманной птицей. Он одним стремительным и жестоким движением сдернул с нее дорогую шаль из натурального шелка и отбросил её в сторону, как ненужный предмет одежды. Когда Алёна попыталась оттолкнуть его руку, оттачая от него свою защиту, бандит случайно запутался в мягких складках ее легкого летнего платья, сотканного из тончайшего хлопка и кружев, и неловко разорвал его в нескольких местах: перламутровые пуговицы и атласные ленты, украшавшие платье, разлетелись в разные стороны, словно обломки разбившейся мечты. Словно обезумев от собственной злобы и желания унижить ее, негодяй начал диковато раздирать остатки наряда, рвать ткань, оставляя клочки ткани валяться на земле, словно символы ее разрушенной жизни, и уже через мгновение Алёна осталась в одной тонкой, белой нижней сорочке, едва прикрывающей ее тело. Хрупкая ткань казалась совершенно беззащитной на фоне окружающей враждебности мира.

Она запрокинула голову назад и издала душераздирающий крик, полный боли, страха и отчаяния, который растворился в вечернем воздухе, не найдя отклика. Это был крик души, крик жертвы, крик женщины, оказавшейся в руках монстра.

Её голос разорвал ночь, как вопль затравленного зверя в тёмной тишине, прорезая собой густой мрак и тревожное молчание окрестностей, но жестокая рука мучителя уже мгновенно зажимала рот жертвы, глуша её мольбу о помощи. Крик оборвался внезапно, превратившись в короткое, скорбное рыдание, полное боли и ужаса.

– Теперь будешь вести себя ласковее! – выпалил он, его голос был полон угрозы и садизма, в каждом слове чувствовалась ненависть к ее сопротивлению. Его дыхание было горячим и тяжелым на ее коже. Он двигался еще быстрее, волоча ее по земле к черному автомобилю, который мрачно ждал их неподалеку, словно символ надвигающейся беды. Рядом, прямо на дороге, неловко лежал Айшат, мужчина средних лет, на его белоснежной рубашке отчетливо алело большое пятно крови, которое темнело на фоне асфальта. Алёна всхлипнула, не в силах сдержать поток слез, вызванных горем и страхом. Бандит пнул тело мужчины ногой, выражая

пренебрежение к его судьбе, и ловко двинулся вперед, чтобы открыть дверцу машины, готовясь погрузить ее в новую тюрьму.

— Тебе придётся сесть за руль, — отозвался его напарник, человек крупной комплекции, который шел к ним, спотыкаясь и держа рукой поврежденный глаз, явно испытывая боль, — Чёрт побери, я почти ничего не вижу из-за этой царапины! Глаза практически не слушаются меня сейчас.

— Одного глаза тебе хватит, — равнодушно ответил второй бандит, его голос был лишен всякого сочувствия. — Ты будешь вести машину, а я и эта милашка в это время получше узнаем друг друга. Эта фраза прозвучала как смертный приговор, предвещавший новые страдания и унижения для несчастной девушки.

— Повторяю: я ничего не вижу нормально, — проворчал напарник, его голос был приглушен и раздраженным, — Поумери свой пыл, подожди немного — развлечешься с ней, когда доедем до места назначения. Не нужно торопиться, давай сначала доберемся куда надо.

— Я не позволю тебе приблизиться к ней первым, — твердо заявил другой бандит, стараясь сохранить спокойствие, несмотря на боль, терзающую его глаз. Его слова были полны скрытой угрозы.

— Да из меня кровь льёт, — закричал раненый бандит, хватаясь за окровавленную рану на лице, — Черт возьми, мне нужна помощь!

— Ничего, выживешь, — сухо ответил его напарник, не проявляя никакого сочувствия к своему товарищу.

Алёне казалось, что она вот-просто сойдет с ума от страха и отчаяния. Мерзавец держал её за волосы настолько крепко, что у неё не было ни малейшего шанса вырваться из его хватки. Она чувствовала себя разбитой куклой, лишенной сил и надежды. События семилетней давности, связанные с трагическими событиями прошлого, оживали в ее памяти, болезненно переплетаясь с кошмаром этой ночи, создавая ощущение дежавю и усиливая чувство безнадежности. Воспоминания вспыхивали яркими картинками, мешая сосредоточиться на настоящем моменте.

«Дыши. Вдох. Выдох. Пока ты дышишь, ты жива. А значит, всё ещё можешь убежать», — повторяла она эти слова про себя, как молитву о спасении, как заклинание, способное защитить ее от неминуемой гибели. Она должна остаться в живых, во что бы то ни стало. Пока она жива, есть шанс вырваться из этого кошмара, шанс убежать от преследователей и начать жизнь заново. Алёна с тоской посмотрела на темную полосу дороги, ведущей домой, на дом, который казался таким далеким и недостижимым, как будто находился на другом конце света. Эта дорога символизировала утраченную безопасность и привычный образ жизни.

Вдруг она заметила какое-то движение на обочине дороги и прищурилась, полагая, что это лишь игра света и тени, обманчивое влияние лунного света, рисующего иллюзии на темном фоне ночи. Однако в глубине души всё же забрезжила слабая, едва заметная надежда, словно маленький огонек зажегся в кромешной тьме отчаяния. По дороге гулял лёгкий ветерок, который словно желал разогнать гнетущий мрак и принести облегчение. Тихий, монотонный звук вдруг донёсся до её слуха, едва слышимый, заглушаемый громкой и ожесточенной ссорой между бандитами, наполнявшей воздух угрозой и напряжением. Она изо всех сил старалась вглядеться в окружающую темноту, концентрируя все свои чувства, чтобы не упустить ни единой детали, и наконец различила силуэт мужчины на мотоцикле, который медленно приближался к ним, одетый в кожаную куртку, которая развевалась позади него, как крылья ночного существа.

— Да что за... — Бандит, почувствовав чье-то присутствие, ещё ближе притянул её к себе, наматывая прядь волос на свою руку, словно стремясь полностью подчинить её волю, отчего Алёна невольно вскрикнула от боли и испуга. Движение было резким и болезненным, вызывающим новый приступ отчаяния. — Что это за дьяволыщина?! Кто здесь наблюдает за нами?

— Скорее! В машину! — завопил одноглазый бандит, его голос звенел от нервозности и паники, метнувшись к месту водителя. — Скорее внутрь! Нужно убираться отсюда прежде чем этот тип успеет вмешаться! Мы должны быть готовы к любому развитию событий.

Мотоциклист вытащил пистолет, точно и быстро, как профессионал, прицелился в темноте и выстрелил, не сбавляя скорости, его действия были молниеносными и решительными. Одноглазый поперхнулся, издав судорожный вздох, и повалился назад на шоссе, откуда-то изнутри появилась струя ярко-красной крови, залившая его рубашку и грудь - он больше не шевелился, окончательно выйдя из игры.

Незнакомец мастерски развернул мотоцикл прямо на ходу, демонстрируя впечатляющие навыки управления техникой, и направился к ним, словно призрак из темноты. Мучитель Алёны, очнувшись от шока, отпустил её волосы, которыми только что игрался, и грубо толкнул в спину, под колёса мчащегося навстречу мотоцикла, словно намереваясь использовать её как щит.

— Пригнись! — закричал её спаситель, его голос был полон напряжения и срочности, словно предупреждая об опасности. Он был слишком близко и не мог остановиться, времени на размышления не было.

Алёна упала на холодную дорогу, свернувшись клубочком, как раненая птица, и инстинктивно прикрыла голову руками в ожидании неминуемой смерти, закрывая глаза и готовясь к худшему. Рядом с ней словно пронеслась стрела, со свистом рассекая воздух, и она почуяла резкий запах бензина и машинного масла, напоминавших о близости смертельного металла. Через мгновение она снова услышала оглушительный рёв мотора позади себя, который становился всё сильнее и страшнее. Боже мой - он пролетел буквально в паре сантиметров от неё, миновав её на такое расстояние, что можно было почувствовать жар от двигателя! Мимолетное касание ветра от мотоцикла опалило кожу. Каково же чудо, что её не задела машина!

С трудом сохраняя равновесие, шатаясь от боли и адреналина, Алёна все-таки смогла подняться на ноги. В воздухе пахло гарью и кровью, смешиваясь с резким запахом бензина. Бандит, до этого момента уверенно державший ее в страхе, издал дикий, звериный крик ужаса, когда увидел стремительно приближающегося на нем мотоциклиста – силуэт незнакомца казался воплощением гневной справедливости. Его рука машинально потянулась к кобуре, пистолет уже был наполовину извлечен, но незнакомец, словно одержимый, выбил оружие сильным ударом носком своего массивного сапога. Звук звонкого металла о бетон эхом разнесся по тихой улице, а затем бандит снова заорал, теперь уже от чистого испуга, перемешанного с яростью. Кровь сочилась сквозь пальцы, окрашивая ладонь багровым цветом – прижимая раненую руку к груди, он бросился наутек, спотыкаясь и падая, но поднимаясь вновь, движимый лишь инстинктом самосохранения.

К ней. Алёна чувствовала покалывание в плече, где царапины кровоточили, оставляя неприятные следы на коже. Дверь автомобиля была единственным оплотом безопасности в этом кошмаре, и именно к нему она рвалась, игнорируя боль и слабость, охватывающие тело. Бандит не отставал ни на шаг, его тяжелое дыхание почти ощущалось за спиной. Алёна видела

только эту заветную дверь машины, за которой ее ждало возможное спасение, но даже в этой критической ситуации, краем глаза ей удалось заметить надвигающуюся угрозу: бандит, обдумавший от злости и разочарования, попытался перехватить ее, схватить за горло. Но она оказалась быстрее – в последний момент, рискуя получить серьезное увечье, она резко нырнула под автомобиль, избежав захвата буквально в считанные секунды. Сорвавшееся с его уст проклятие, полное ненависти и отчаяния, едва не заставило ее нервно улыбнуться – это было маленькой победой в жестокой игре. Неуклюже пошатнувшись, он рухнул на колени, пытаясь хоть как-нибудь добраться до нее, и просунул руку под днище машины, в отчаянном желании настигнуть беглянку, но Алёна проворно отстранилась, чувствуя, как холодная сталь кузова касается ее руки.

Заслышав тяжелый, устрашающий рокот мотора, набирающего обороты, бандит снова выругался, слова были полны злобы и бессилия. Он вскочил на ноги и поспешил прочь, понимая, что сейчас ему не уйти от возмездия. Алёна увидела только огромные, быстро вращающиеся колеса мотоцикла, настигающие ее мучителя, стирая его фигуру в потоке ветра и пыли. Это был конец встречи, хотя и не конца борьбы.

Она прижалась к земле, стараясь оставаться незаметной, чтобы наблюдать всю динамичную сцену, разворачивающуюся прямо перед ней на дороге. Адреналин еще бурлил в крови, заставляя сердце колотиться как сумасшедшее. Ее спаситель, двигаясь с поразительной скоростью и точностью, легко догнал улепётывающего негодяя, который пытался скрыться в темноте.

Мотор мотоцикла, ревящий несколько секунд назад, внезапно заглох, заглушая звуки города. Извинительный звук затих, уступая место напряженному ожиданию того, что произойдет дальше. Ездок быстро соскочил с мотоцикла, ловко поставив его на подножку, а развевающаяся за спиной черная кожаная куртка, словно крылья мрачного ангела, придавала ему облик грозного рыцаря смерти, появившегося из ниоткуда. Бандит и спешившийся всадник мгновенно сошлись в жесткой схватке. Быстро и неумолимо начали разлетаться кулаки, оставляя кровавые отметины на лице и теле каждого из них. Они катались по земле, цепляясь друг за друга, нанося и получая сокрушительные удары, каждый из которых отдавался болезненным эхом во всем теле.

Бандиту каким-то образом удалось подняться на ноги, используя импульс для защиты и контратаки, но его противник был явно лучше подготовлен к такому развитию событий. Он молниеносно перекатился на бок, уклоняясь от очередного удара, и хладнокровно ударил его под колено, лишив возможности дальнейшего сопротивления. Бандит взвыл от боли, его конечность предательски подвернулась, и он рухнул на землю как подкошенный, беспомощно лежа на холодной асфальтированной поверхности. Ее спаситель, демонстрируя невероятную физическую силу и выдержку, опёрся на свои крепкие локти, подтягиваясь вверх и поднимаясь с земли. Бандит, несмотря на свою беспомощность, потянулся к своему сапогу – в бледном лунном свете отчетливо блеснуло смертельное лезвие спрятанного внутри ножа, готовящееся к последнему отчаянному акту.

Незнакомец, действуя с профессиональной скоростью и точностью, крутнулся на месте, словно хищник, оценивающий добычу. Затем, одним быстрым движением, он снял с себя чёрную кожаную куртку, которую умело обмотал вокруг своей руки, создавая импровизированную защиту от возможного нападения. Видно было, что этот человек раньше уже сталкивался с подобными ситуациями, знал цену быстрой реакции и эффективных действий. Бандит, несмотря на боль и унижение, оскалил зубы в яростной гримасе и попытался нанести удар ножом, используя любую возможность для возвращения контроля над ситуацией.

Однако незнакомцем была предпринята своевременная реакция — он отступил в сторону, выигрывая время и пространство для маневра. Они снова ринулись в бой, в котором переплетались отчаянные попытки одного и расчетливое мастерство другого, и бандит, все еще удерживающий нож в руке, напал первым, стремясь нанести решающий удар. Однако спасителю Алёны удалось избежать фатального исхода: он отстранился в последний момент назад, совершив невероятно точный и своевременный маневр, и это спасло ему жизнь, потому что негодяй целился прямо ему в горло. Реакция была настолько быстрой, что казалась невозможной. Незнакомец, продемонстрировав превосходное владение телом, перехватил руку бандита в момент атаки и резко вывернул её в сторону, вызывая новую волну боли. Оружие выпало из ослабленных пальцев и с глухим стуком упало на землю. Несмотря на это, разбойник продолжал сопротивляться, проявляя отчаянную решимость, и нанес своему сопернику неожиданный удар в челюсть.

Тот отпрянул, потрясенный внезапной атакой, и в этот короткий миг, между вспышками света и тенью, Алёна наконец-то увидела его лицо, прежде скрытое в полумраке.

5

Артём Королёв.

Имя, которое она помнила наизусть. И лицо, которое видела всего несколько раз. Она знала его гораздо лучше, чем могла себе представить, ведь это был муж ее младшей сестры, Анны. Женщина, которая никогда не принимала Артема всерьез, постоянно недооценивала его способности и только пилила мозг по поводу и

Черты его красивого лица исказила гримаса гнева, истинное выражение которого до сих пор пряталось под маской спокойствия. Он резко развернулся, словно выпущенный пружиной, и нанес бандиту мощнейший ударной в живот, выбивая воздух из легких. Задохнувшись от боли и шока, тот рухнул на колени, хватая воздух ртом, словно топящийся человек. Артём не дал ему времени восстановиться, нанеся ещё один удар, на этот раз в подбородок, с такой силой, что казалось, вот-вот сломает его.

Негодяй повалился назад, теряя сознание, и больше не двигался, окончательно обездвиженный после пережитого.

Артём на мгновение остановился, тяжело дыша, опираясь на свои колени. Его грудь вздымалась и опадала, словно после марафонского забега, выдавая физическое усилие, затраченное в этой борьбе. Он взглянул на поверженного бандита, оценивая ситуацию и проверяя его состояние. Убедившись, что мерзавец действительно больше не представляет никакой опасности, он повернулся к машине, его движения стали немного плавнее.

Алёна не спешила покидать свое безопасное убежище, прижавшись к земле. Стук ее собственного сердца отдавался в ушах раскатами грома, заглушая все остальные звуки, а пальцы, непроизвольно впившиеся в холодную дорожную грязь, не замечали ощущения земли под ними. Она понимала, что ей больше не грозит непосредственная опасность, ведь она узнала своего спасителя, зная, кто стоит перед ней. Тем не менее, парализованная смесью шока, облегчения и изумления, она не могла пошевелиться, словно прикованная к месту невидимыми цепями. Момент был слишком огромен, чтобы сразу принять его реальность.

Заслышав его шаги, приближающиеся к ней, она задрожала всем телом, словно загнанный зверь, не в силах контролировать свою реакцию. Однако вместо того, чтобы направиться к машине, он двинулся в противоположную сторону, увеличивая расстояние между собой и автомобилем. Что же он делает? Ищет оружие, оставленное бандитом? Решил обшарить тела жертв происшествия? Её воображение, разыгравшееся от напряжения, подбрасывало ей ответ за ответом, один невероятнее другого, рисуя картины самых разных сценариев.

Шум шагов приблизился. В узкой полосе света, освещенной тусклым лунным сиянием, она увидела брендовый кроссовок, обутый на его ноге, и услышала тихий скрип подошвы о гравий.

– Выходи, Алён. – Голос был ровным и спокойным, лишенным всяческих эмоций, но звучал требовательно, как команда.

Он сразу понял, кто она, словно распознал ее запах. Ей казалось, что паника вот-вот задушит ее, сковывая все мысли и действия. Неужели он... знает ее?

– Алён, – тихо произнес он, голос смягчился, приобретя еле заметный, незнакомый акцент, который она так и не смогла полностью опознать, словно воспоминание о далекой стране. – Твой знакомый ранен.

– Айшат? – Она не услышала звука собственного голоса, произнесенного дрожащими губами. Мир словно замер, фокусируясь только на этих двух словах.

– Да, Айшат. Этот мужчина, которого ты знаешь как "Айшат". Я думаю, что нам следует отвезти его к доктору Артюхову в ближайшем поселке, если мы хотим спасти ему жизнь. Однако это будет крайне затруднительно сделать, если ты намерена оставаться под машиной, в безопасности, но совершенно бесполезно для кого-либо.

Она приложила лоб к земле, чувствуя холодный камень асфальта через тонкую кожу. Айшат был жив, ему требовалась срочная медицинская помощь, а она, как глупая, спряталась под машиной, словно маленький ребенок, нуждающийся в защите. Она глубоко вдохнула, наполняя легкие воздухом, и снова, и еще раз. Подавляющее большинство призраков прошлого отступили, растворившись в темноте, и Алёна снова вернулась в настоящее, ощущая вес реальности на своих плечах.

– Я уже сейчас выйду. – Слова вырвались у нее почти неслышно, но твердо и решительно.

Она медленно поползла к краю машины, стараясь быть предельно осторожной. Когда она достигла края, сильные мужские ладони мягко, но уверенно обхватили ее руку, помогая выбраться из укрытия. Алёна снова замерла от ужаса, ожидая худшего, но нет, он лишь помог ей выбраться из укрытия, а как только она обрела равновесие и почувствовала твердую почву под ногами, он тут же отпустил ее.

– Ты ранена? – спросил он, голос был слегка приглушен, но полный искреннего беспокойства.

Он аккуратно убрал прядь волос, упавшую на ее лицо, закрывавшую взгляд, и снова сразу же отдернул руку, как будто опасаясь навредить ей. Затем внимательно посмотрел на нее, его темные глаза изучающе сканировали каждую деталь, пытаясь найти ответ на свой вопрос в отражении ее лица. Лунный свет играл на его лице, делая глаза казавшимися абсолютно черными, хотя она прекрасно знала, что они карие, насыщенного шоколадного оттенка.

– Нет, они не причинили мне боли. – ответила она, стараясь говорить спокойно и уверенно, хотя внутренний голос протестовал.

– Ты уверена? – повторил он, не давая ей возможности закончить ответ.

Он быстро окинул взглядом ее фигуру, и тогда она вдруг осознала, насколько неловким выглядит ее нынешний вид – стоя перед ним в одной нижней рубашке, открывающей практически все ее тело, и поняла почему он так сосредоточенно смотрит ей в лицо, видимо, оценивая степень возможных повреждений.

– Если они причинили тебе боль... хоть самую малейшую боль... – сказал он, голос понизился до шепота, в котором чувствовалось неподдельное беспокойство.

Его глаза стали еще темнее, поглощая лунный свет и кажущиеся непроницаемыми. В них читалась угроза, скрытая под маской заботы.

– Нет. – четко и однозначно ответила она, стараясь сохранить спокойствие в голосе.

Её лицо залила краска, ярким пятном выделяющимся на фоне ночной темноты. Она отвернулась, не в силах выдержать пристальный взгляд его глаз.

– Они лишь... Это не имеет значения. Айшату нужна наша помощь. – постаралась ответить ему, сфокусироваться на главном.

Он процедил сквозь зубы, каждое слово прозвучало как предупреждение:

– Это имеет большое значение. – подчеркнул он, и в его голосе прозвучала твердая уверенность.

Без лишних слов он обернул свою куртку вокруг её плеч, словно защищая от холода, и она ощутила тепло его тела, исходящее от него. Этот простой жест казался невероятно значимым, передавая ощущение поддержки и защиты.

– А теперь займёмся таксистом. – коротко распорядился он, прерывая её поток мыслей.

Уцепившись за края куртки негнувшимися пальцами, она нервно кивнула в знак согласия.

Они направились к неподвижному телу Айшата, склонившись над ним. Артём опустился на колени рядом с раненым человеком и бережно разорвал его одежду, пропитанную кровью, обнажая ужасное зрелище. Пуля прошла вблизи сердца, и из зияющей раны обильно текла темная кровь, окрашивая асфальт багровыми пятнами.

– Насколько это опасно? – прошептала она, голос дрожал от тревоги и страха, и ком застрял в ее горле, мешая нормально дышать.

– Не буду скрывать – очень опасно. – ответил он, глядя на рану с явным опытом, как будто видел такое не раз.

Он наклонился ближе, приподнял голову Айшата и придвинул ухо к его губам, словно слушая его дыхание. После короткого молчания, кивнул головой.

– Это чудо, что он все еще жив. Помоги мне перенести его в машину. – попросил он, в голосе звучала отчаянная просьба.

Алёна встала у ног водителя, готовая помочь в любом виде. Артём поднялся, его движения были уверенными и целеустремленными. Подхватив Айшата за руки и приподняв его, он сделал первый шаг к машине. Раненый водитель отозвался протяжным стоном, выражающим боль и страдание, и Артём нашел в себе силы улыбнуться, словно это была какая-то обыденная ситуация. Алёна ощутила, что даже при таких трагических обстоятельствах она готова улыбнуться ему в ответ, увидев в его действиях профессионализм и сочувствие.

– Едва живой, но все еще в состоянии жаловаться – каков, а? Возьми его за ноги и помоги мне. – сказал он, его голос был одновременно строгим и участливым.

Повинуясь своему спасителю, Алёна обхватила Айшата за ноги, словно вязанку дров, ощущая вес человеческого тела и тяжесть ситуации. Куртка соскользнула с её плеча, но она не обратила на это никакого внимания, полностью сосредоточившись на задании. На кону была жизнь Айшата, и она должна забыть о ложной скромности и сконцентрироваться на помощи.

Вместе они двинулись к машине, их усилия были скоординированными, как у опытных товарищей по работе. Каждый шаг был исполнен с максимальной осторожностью и уважением к человеку, которого они несли.

Эта женщина соблазняла его так, что он терял разум. Даже в этой хаотичной обстановке, среди крови и боли, ее присутствие оказывало на него завораживающее воздействие. Всегда казалась какой-то загадкой, всегда хранила часть себя в тайне. Нужно было сосредоточиться на задаче, на спасении жизни, но его взгляд постоянно возвращался к ней, к ее решительному выражению лица и сильному духу, который он только начал понимать. Он должен держать себя в руках, нельзя допустить, чтобы чувства затмили рассудок. Сейчас важны только факты и действия. Жизнь Айшата зависела от него, и он не мог позволить себе сбиться с пути.

Артём смотрел на окровавленное тело водителя, концентрируясь на деталях травмы, на кровавых пятнах, на бледной коже, стараясь таким образом отвлечься от близости своей спутницы. Он легко мог бы донести раненого и один, обладая достаточной физической силой и навыками, но попросил Алёну помочь ему лишь для того, чтобы заставить ее позабыть о пережитом ужасе и страхе, переключить внимание на практические действия. Оказалось, что его расчёт был верным, поскольку Алёна сосредоточилась на выполнении задачи, кажется, сумев преодолеть ужас после случившегося и работая эффективно и целеустремленно. Но если бы он знал, что его план обернется такими мучениями для него самого, он бы с готовностью закутал свою спутницу во что-нибудь с ног до головы и усадил бы в машину, подальше от себя. Потому что Алёна была словно прекрасное видение, способное согреть мужское сердце в любую стужу, излучая силу и красоту даже в такой тревожной ситуации. Сколько раз он представлял ее именно в таком виде, а потом одергивал себя, вспоминая о том, что он женат на ее сестре, на Анне. Мысль эта всегда была как щит, ограждающий его от запретного желания.

Она споткнулась, и тело Айшата дёрнулось в ее руках, вызвав краткое колебание равновесия. Артём остановился, поддерживая их обоих, предотвращая падение.

– С тобой всё хорошо? – спросил он, голос был мягким и обеспокоенным, отмеченный искренней тревогой за ее благополучие.

- Да.

Она встретила его взгляд, и хотя в её прекрасных тёмных глазах все еще отражался отблеск пережитого ужаса, она не сдавалась, в ее глазах горела решимость. Она снова крепче ухватила Айшата за ноги, и в результате такого движения, ее упругая маленькая грудь на мгновение открылась Артёму, пробуждая в нем бурю неконтролируемых желаний, на мгновенье сводя его с ума.

– Я готова. – сказала она, голос был твердым и уверенным, несмотря на видимое напряжение.

Он замешкался, словно под влиянием внезапного импульса, и отвернулся, не в силах долго смотреть в ее сторону.

– Что же, давай тогда двигаться дальше. – произнес он, стараясь вернуть себе контроль над ситуацией и сосредоточиться на текущей задаче.

Наконец, преодолев последние метры, они добрались до машины. Артём, заметив узкие двери машины, которые могли осложнить процесс погрузки, нахмурился в раздумьях.

– Может, мне зайти с другой стороны? Ты усадишь его, а я помогу. – предложил он, анализируя ситуацию и предлагая оптимальный вариант действий.

– Это очень хорошая мысль. – согласилась Алёна, признавая эффективность его предложения.

Она отпустила ноги водителя и поспешно обошла машину, направляясь к задней двери. Машина скрипнула, когда она ступила внутрь, словно приветствуя новых пассажиров. Она быстро придвинулась к двери, готовясь принять Айшу. Артём помогал ей, поддерживая раненого за голову и плечи, осторожно и бережно, пока тот не оказался в машине, в безопасности.

– Ты держишь его? – спросил он, удостовераясь, что она обеспечивает поддержку и безопасность раненого.

Она кивнула, тяжело дыша, ведь ей было нелегко справиться с мужчиной вдвое крупнее неё, особенно в условиях ограниченного пространства. Артём, приложив немалые усилия, втолкнул ноги водителя в салон, и Алёну отбросило в сторону, не успев подготовиться к этому внезапному толчку. Тело Айшаты рухнуло на неё, нанося неприятное давление, но, несмотря на это, они все же успешно выполнили свою задачу по переноске раненого в машину.

Артём с некоторым трудом втиснулся в тесное пространство автомобиля, что было довольно не просто с его широкими плечами и крепким телосложением, и тщательно передвигал Айшу в сторону, освобождая место для комфортной посадки. Помогая Алёне выбраться из-под непосильного груза, он осторожно взял ее за руку, обеспечивая поддержку и показывая, что не оставит ее одну в этой сложной ситуации.

– Нам надо уложить его на сиденье. – произнес он, его голос был спокойным и уверенным, отдавая команду.

Она кивнула, соглашаясь с его предложением, и переехала на сиденье рядом с ногами Айшата, готовая оказать дополнительную помощь в стабилизации его состояния. Артём снова ухватился за верхнюю половину туловища водителя, применяя все свои силы и навыки, чтобы обеспечить безопасную и удобную посадку. Наконец, благодаря совместным усилиям, им удалось устроить его на сиденье. Алёна, совершенно разбитая и истощенная физически и морально, упала на кресло у него в ногах и облегченно вздохнула, позволяя себе на мгновение расслабиться после напряженной работы. Артём наклонился над Айшатов, внимательно осматривая рану, чтобы оценить ее состояние и необходимость дополнительных мер.

– У него снова открылось кровотечение. – произнес он, его голос был полон тревоги и беспокойства, указывая на ухудшение состояния раненого.

– Что же нам делать? – спросила Алёна, в ее голосе звучало отчаяние и беспомощность, надеясь на совет и руководство со стороны эксперта.

Он взглянул на нее, его глаза были полны решимости и концентрации, и начал развязывать шейный платок, который обычно носил под пиджаком. Платок был из тончайшего шелка, дорогостоящий аксессуар, который теперь предстояло использовать в качестве импровизированной медицинской повязки.

6

– Пока я буду вести машину, тебе придется прижимать повязку к ране. – сказал он, объясняя план действий и возлагая на нее важную роль в оказании первой помощи.

– Хорошо. – ответила она, подтверждая свою готовность выполнить поставленную задачу и нести ответственность за состояние раненого.

Он тщательно сложил шейный платок в несколько слоёв, увеличивая его абсорбирующую способность, и аккуратно прикрыл им рану Айшаты, стараясь не повредить ткань и не вызвать дополнительную боль.

– Придвинься сюда и придержи ее. Боюсь, что тебе придется сидеть на полу. – произнес он, указывая направление и сообщая о необходимости изменить положение для лучшего выполнения задания.

– Ничего страшного. – ответила она, демонстрируя готовность жертвовать своим комфортом ради общего блага.

Она послушно опустилась на колени, принимая неудобное положение на жестком полу салона, и обратилась к нему с вопросом, ожидая указаний.

– Покажи мне, что я должна делать. – попросила она, стремясь понять правильную технику оказания первой помощи и не допустить ошибок.

– Надо удерживать повязку, чтобы остановить кровь. Вот так. – объяснил он, демонстрируя необходимое действие и показывая правильный способ прикладывания давления на рану.

Он снова взял ее за руку, проводя рукой по ее ладони и аккуратно прижимая ее ладонь к повязке, уча ее технике и обеспечивая правильное распределение давления. Красное пятно тут же заалело на белоснежной ткани, свидетельствуя об интенсивности кровотечения и важности выполняемого ими действия.

Мир будто бы перевернулся, а потом вернулся обратно – всё пришло в норму. Но это была какая-то обманчивая нормальность, за которой скрывалось нечто необъяснимое. Её вдруг захлестнуло волной странного ощущения мира и спокойствия, почти детского безмятежности. Она онемела от этого внезапного преображения, словно кто-то выключил все тревожные сигналы внутри неё, и совершенно забыла о тех панических страхах, которые еще секундой ранее сковали ее сердце ледяными тисками. Мерный, успокаивающий гул двигателя под ней, монотонный шорох шин, вгрызающихся в асфальт дороги, и плавное покачивание машины, уверенно мчащейся по направлению к маленькому, знакомому посёлку – всё это складывалось в картину, до боли напоминающую её обычные поездки с благотворительными целями. Такие поездки были неотъемлемой частью её жизни, способом помогать нуждающимся, дарить немного тепла и заботы тем, кому сегодня особенно тяжело. Это был привычный ритуал, который казался воплощением стабильности.

Всё было как всегда, как в сотнях подобных предыдущих путешествий, если не считать, конечно, ряда крайне необычных обстоятельств. Например, тот факт, что она сейчас сидела в машине, практически голая, облаченная лишь в тонкую нижнюю сорочку и легкую шаль

из хлопка. А ещё тот жуткий, не прекращающийся вид крови, медленно, каплями, просачивающейся сквозь ткань и окрашивающей белое кружево шали в багровые оттенки, стекающей прямо на разорванные лохмотья её любимого платья Алёны, которое она отчаянно пыталась прижать к кровоточащей ране Айшат. Эта девушка... эта молодая женщина, лежащая без сознания рядом, была связана с тем кошмаром, который они пережили. И каждая капля крови на её платье служила мрачным напоминанием о произошедшем.

Артём, молчаливый и собранный, двигавшийся как автомат после всего случившегося, прихватил её шаль вместе с остатками разорванного платья Алёны. Не произнеся ни слова, просто протянул ей эту импровизированную связку одежды, словно передавал жизненно важный груз. Без лишних слов, без утешений, без объяснений. И она, чувствуя холод дрожащего тела и стыд обнаженности, поспешно завернулась в эту шаль, пытаясь хоть немного защититься от внешнего мира и от собственных мыслей, пока Артём, действующий быстро и эффективно, раздирал её любимое муслиновое желтое платье на длинные полосы ткани, превращая его в подобие бинтов для остановки кровотечения. Это платье было особенным: подарок от мамы на день рождения, символ надежды и новой жизни. Разрывать его было равносильно разбиванию сердца, но необходимость была очевидной. Нужно было помочь Айшат, нужно было остановить кровь, нужно было добраться до ближайшего населенного пункта.

Они не проехали и половины пути к посёлку, когда стало ясно, что первая повязка оказалась бесполезной. Ей пришлось менять её уже несколько раз подряд, и каждый раз это было похоже на тщетное усилие против неумолимого потока крови. Как только она накладывала новую полоску ткани, вырезанную из её некогда любимого платья, та моментально пропитывалась багровыми пятнами, становясь влажной и тяжелой. С отвращением и тревогой она снимала окровавленную тряпку и заменяла её на свежую, пытаясь хоть немного остановить кровопотерю. Айшат всё ещё дышал, хотя и прерывисто, с трудом, словно каждое вдохи требовало невероятных усилий. Она не могла не волноваться, видя его неестественную бледность, контрастирующую с грязным налетом пота, покрывавшим его лицо и волосы, свидетельствовавшие о начинающейся лихорадке. Каждая деталь его состояния говорила о критическом положении дел.

Артём, сосредоточенный на управлении машиной и постоянно бросающий быстрые взгляды на пассажиров, обязательно доставит их к доктору Артюхову, единственному квалифицированному врачу в округе. Она была абсолютно уверена, что он успеет вовремя, что доктор Артюхов окажется там, где нужен, когда они будут нуждаться в помощи больше всего. Она не смела даже на мгновение думать о другом исходе событий, об альтернативных сценариях, которые могли бы закончиться трагически. Мысль о неудаче была невыносима.

Снова осторожно сняв окровавленную повязку, она аккуратно сложила в несколько слоев новую полоску ткани, стараясь сделать её как можно плотнее, и с максимальной осторожностью прижала к ране Айшата. Её пальцы слегка дрожали от напряжения и страха. Она и думать не хотела о том, что могло бы случиться с ними, не поспей Артём вовремя, не сумев добраться до врача до наступления рокового часа. В голове мелькнула ужасная картина: Айшат бы точно умер, а она... Она не смогла договорить эту мысль, не осмелившись представить себе последствия собственной возможной вины. Просто нельзя было допустить такого развития событий. Всё зависело от скорости и профессионализма доктора Артюхова. Вселенная должна была быть благосклонна к ним в этот момент.

Она замерла на месте, тело сковал паралич отчасти вызванный усталостью, а отчасти — ужасом. Отгоняя страшные, навязчивые воспоминания о последних событиях, о той чудовищной сцене, которую они едва избежали, она попыталась взять себя в руки. Лучше не думать

об этом совсем, не погружаться в пучину отчаяния и паники. Сейчас это ничем не поможет. Айшату требовалась её помощь – сконцентрироваться на нем, на его состоянии, на необходимости стабилизировать его состояние до прибытия врача – вот что должно было занимать её мысли в данный момент, вот что было самым главным приоритетом. Паника и страх должны были остаться где-то далеко позади, отодвинутые на второй план необходимостью действовать.

Она заставила себя насильно переключить внимание на Артёма Королёва, человека, который теперь был её единственным союзником и опорой в этой непростой ситуации. Вместо того чтобы предаваться мрачным мыслям и терзаться тревогой за судьбу Айшата, она постаралась внимательнее изучить выражение лица Артёма, его поведение. Он был как каменный, непоколебимый, сосредоточенный исключительно на дороге и управлении автомобилем. Его плечи напряжены, челюсти стиснуты. На лбу залегли глубокие морщины, выдающие внутреннее напряжение. Он старался не показывать эмоций, держа все под контролем, но она знала, что и он испытывает огромное беспокойство. Она понимала, что ему тоже нужна поддержка, пусть и неявная. Попытка понять его мысли, предвидеть его действия стала своего рода терапией, позволявшей хоть ненадолго отвлечься от ужаса происходящего. Переключение внимания на него помогло немного собраться и почувствовать себя хоть немного полезной в этой хаотичной ситуации.

Несколько недель назад отец, обычно сдержанный в выражениях, сообщил ей новость, которая показалась тогда незначительной, но теперь приобрела новые смыслы. Отец сказал, что Артём Королёв собирается развестись со старшей сестрой и планирует выкупить у них Дарлинг – великолепную гнедушку, гордость конефермы Алёны. Но Алёна и раньше пристально наблюдала за Артёмом, интуитивно чувствовала его присутствие и анализировала каждое его действие. Каждый раз, стоило ему появиться в радиусе её зрения, она ощущала невидимую силу, исходящую от него. Когда он прибыл в Гонск со своим более чем смелым предложением, демонстрируя готовность заплатить огромную сумму за Дарлинг, она едва не лишилась чувств от неожиданности и осознания масштаба его намерений. Ее отец, человек принципиальный и непреклонный в своих решениях, наотрез отказал ему, твердо заявив, что Дарлинг никогда не будет продана. Но это не остановило Артёма Королёва – он продолжал настаивать, предлагая купить лошадь ещё дважды, и снова получал категорический отказ. Однако она видела в его глазах ту самую решимость, ту негибкость духа, которая не позволяла ему сдаваться, понимала, что он не намерен отступать от своей цели.

И она прекрасно знала, почему он так стремится заполучить эту лошадь. Дарлинг когда-то принадлежала семье Королёвых, а точнее лично Артёму, прежде чем оказалась на ферме Алёны после трагической смерти матери Артёма. Все в округе знали, что Королёвы – лучшие коннозаводчики в России, династия, славившаяся своими породистыми конями. По крайней мере, когда-то считались таковыми, прежде чем семейный бизнес начал постепенно приходить в упадок. Дарлинг была символом утраченной славы и возможностью вернуть былое величие. Лошадь была ключом к восстановлению репутации семьи Королёвых.

Хотя она и была отрезана от внешнего мира, словно цветок под толстым слоем земли, до неё, Алёны, все же дошли обрывочные слухи, просочившиеся сквозь пелену отчуждения. Эти слухи касались отца и старшего брата, Артёма – людей, известных в их небольшом уездном городе не столько по заслугам, сколько по репутации легкомысленных повесников и завязых игроков в карты, которых в народе и окрестили "мотами". И вот, пока Артём, единственный мужской родственник, оставшийся дома, находился вдали, рискуя жизнью в боевых действиях в Сирии, они, воспользовавшись его отсутствием, предприняли решительные действия: распродавали всё, что только можно было превратить в деньги. Старинный фамильный дом с

садом, где Елена проводила свое детство, был разделан на части и выставлен на аукцион, антикварная мебель бабушки – отправлена в ломбарды, даже скотина и урожай с земли были реализованы с невероятной скоростью. Казалось, им нужен был лишь один шанс, чтобы избавиться от всех обязательств и начать новую жизнь, свободную от долгов и ограничений.

Артём, будучи младшим сыном в этой дисгармоничной семье, практически не имел возможности влиять на происходящее. Его голос никто не слышал, его мнение игнорировалось. Но у него была другая страсть, другое призвание – любовь к лошадям. Он посвящал им все свое свободное время, заботился о них, тренировал, участвовал в местных скачках. Лошади не просто были для него хобби; они приносили семье значительный доход, обеспечивая стабильную поддержку и престиж в обществе. Именно эта любовь к животным часто служила щитом между ним и остальными членами семьи, позволяя ему сохранять некоторую автономию.

После получения вестей о произошедшем – о том, как отец и брат распорядились наследством, о том, как беспечно и жестоко они предали доверие Артёма и лишили его будущего – многие в городе стали делать мрачные прогнозы. Все решили, что теперь-то, когда правда открылась, Арт опустит руки, предастся отчаянию и пустится во все тяжкие, подобно тому, как это делали они в довоенные годы, когда развлечения и азарт затмевали разум. Многие ожидали увидеть его пьяным в баре, заброшенным и несчастным, утопающим в море алкоголя, пытаясь заглушить боль утраты и предательства бесконечными глотками крепкого напитка. В глазах горожан Артём казался обреченным повторить ошибки своих близких, стать жертвой собственной печали и разочарования.

Но Артём изрядно удивил всех, даже и не подумав возвращаться к прошлой жизни. Вместо этого он скрылся от посторонних глаз в посёлке, который многие бы назвали деревней, чем вызвал ещё больший интерес к своей персоне. После периода раздумий и одиночества он, как ей стало известно, решил завести новые конюшни в маленьком поместье, полученном в наследство от дальней родственницы. Дарлинг была нужна ему, чтобы вывести новую породу.

Где-то в самой глубине души, погребенная под слоем обиды и разочарования, Алёна признавала в нём нечто особенное — ту самую искру, которая отличала мужчин от обычных посредственностей, от тех, кто бездумно плывет по течению. Она неохотно должна была признать, что восхищалась его кажущейся непоколебимостью, его удивительной способностью ставить перед собой амбициозные цели и неуклонно двигаться к ним, невзирая на трудности и насмешки окружающих. В нем была какая-то внутренняя сила, твердость духа, какая-то почти фанатичная целеустремленность, которые завораживали её, словно яркий огонь манит мотылька. Но, чёрт побери, это восхищение меркло перед осознанием суровой реальности, вызывая целую бурю противоречивых чувств. Потому что сейчас, после всего, что произошло, после долгих лет кропотливого планирования и тонких манипуляций, Дарлинг, её долгожданный и тщательно выстроенный проект, предмет её одержимости, теперь окончательно и безоговорочно принадлежал ей. Этот человек, обладающий уникальным потенциалом, эта ценнейшая возможность, этот стратегически важный ресурс – всё это теперь стало частью её сложного многоступенчатого плана, неотъемлемой деталью в её опасной игре, правила которой известны только ей. И никакое мимолетное восхищение его личностью не могло изменить того факта, что он теперь лишь инструмент в её руках, средство достижения её целей.

Машина плавно снизила скорость, ощутимо приглушив гул двигателя, и она инстинктивно поднялась на колени, чувствуя, как прохладное покрытие пола касается ее ладоней. В окне автомобиля стремительно мелькали тени знакомых поселковых строений – покосившийся забор со старой яблоней, полуразрушенную кирпичную стену бывшего сарая, а потом крышу одноэтажной бани с выцветшей синей черепицей. Все вокруг было погружено в глубокую тьму,

лишь редкие фонари тускло освещали узкие улочки, отбрасывая длинные, искаженные тени. Но даже эта темнота была нарушена звуками веселья: вдалеке, в самом конце улицы, слышались обрывки громкой музыки и звонкий смех, доносящиеся из местного бара "У Петровича". Казалось, там кипит жизнь, не замечающая позднего часа. Артём проехал мимо, машина уверенно покатила вперед, оставляя позади мерцающие огни бара и радостные крики посетителей. Затем он резко повернул налево, шины издали короткий визг, и тихо притормозил прямо напротив дома доктора Артюхова. Машину слегка тряхнуло, когда она окончательно остановилась, стабилизируясь после торможения, и глухой стук двери эхом разнесся по тишине ночной улицы. Дверца распахнулась широко, выпуская тонкую струйку теплого воздуха, наполненного запахом кожи и бензина, и в открытом проеме возникла его тёмная, высокая фигура, словно сотканная из теней на фоне бледного лунного света. Его лицо было едва различимо в сумраке ночи – казалось, что это всего лишь темный силуэт с четко очерченным подбородком и намеком на жесткие линии скул, скрытый в глубоких тенях шляпы и высокого воротника пальто. Невозможно было разобрать выражение его глаз, они оставались непроницаемыми, как угольки, отражая лишь слабый блеск звезд. Он стоял неподвижно, словно ожидая чего-то, окутанный таинственностью ночного времени.

– Как он? – тихо спросил Артём, его голос был приглушённым тревогой и беспокойством, словно он боялся потревожить тишину ночи своим вопросом.

– Кровь все еще идет, – прошептала она в ответ, её слова были почти неслышными, произнесенными так тихо, будто она боялась спугнуть какую-то хрупкую надежду. Голос звучал устало и подавлено, выдавал пережитое напряжение и страх за чужую жизнь.

Он пробормотал что-то похожее на проклятие, короткое и злобное, больше похожее на выдох, чем на полноценное высказывание, выражающее гнев и бессилие перед сложившейся ситуацией. Затем он быстро забрался в салон автомобиля, запах кожаных кресел и легкого машинного масла ударил ему в нос. Всё ещё прижимая влажную повязку к кровоточащей ране Айшата, она отстранилась, давая ему место рядом с раненым мужчиной. Движения ее были аккуратными и осторожными, словно она обращалась с драгоценным предметом. Когда он присел рядом с головой раненого и двумя пальцами нащупал пульс на шее бедняги, пытаясь оценить тяжесть состояния, воздух наполнился напряжением ожидания.

– Ничего хорошего, – констатировал он мрачно, его голос был лишен всякого оптимизма. Пульс был слаб и нерегулярный, состояние пациента критическое.

Он уже намеревался покинуть машину, готовясь к следующему шагу, к принятию решения о дальнейших действиях, когда она неожиданно положила свою маленькую, дрожащую ладонь на его крепкую руку. Этот жест был спонтанным и непредсказуемым, словно вспышка искреннего желания помочь и поддержать. Она отстранилась, позволив ему закончить осмотр раненого, наблюдая за ним со смесью тревоги и беспокойства.

7

– Артём... – тихо произнесла она, её голос был прерван паузой, полным неловкости и неуверенности.

Он замер на месте, как будто парализованный этим простым жестом, мгновенно повернувшись к ней и не отрывая от нее взгляда. Глаза цвета темного шоколада смотрели на нее с такой глубиной и вниманием, что ей стало трудно дышать. Она осознала, что сама коснулась его руки, совершила поступок, которого никогда раньше не делала. Это было новое ощущение для нее, незнакомое и немного пугающее. Она никогда не прикасалась ни к кому прежде, кроме отца и любимой старшей сестры, чьи объятия всегда были источником утешения и безопасности. Ее пальцы задрожали, нервная реакция на волнение и смущение, но она всё же удержала свою ладонь, которая теперь покоилась на рукаве его грубого шерстяного свитера, чувствуя тепло его тела сквозь плотную ткань.

– Спасибо тебе, – прошептала она, слова вышли еле слышно, полные благодарности за помощь и поддержку, которую он оказывал ей и другим нуждающимся.

Он ничего не ответил, не произнес ни единого слова, не сделал ни одного движения. Она не могла различить выражение его лица в темноте, скрываемое тенью шляпы и угрюмым настроением, но чувствовала, что он понимает всю значимость этого момента. Тишина между ними стала почти ощутимой, наполненной невысказанными словами и чувствами, которые невозможно было передать словами.

Она запинаясь, нервно теребя край платья, продолжила говорить, голос ее звучал тихо и неуверенно:

– Я хотела сказать... Знаете, как только мы попадём к доктору Артюхову, который, надеюсь, окажется компетентным и сможет помочь моей матери... То мы уже никуда не уйдём, сразу же. И я воспользуюсь этим моментом, этой возможностью, чтобы выразить вам свою искреннюю и глубочайшую благодарность. Вы... вы буквально вытащили нас из беды, из пропасти. Мы находились на краю гибели, не понимая, куда нам податься. Одним словом, мы вам обязаны всем – и своей жизнью, и здоровьем мамы, и надеждой на будущее. Не знаю, как вас отблагодарить, что еще сказать, кроме того, что я бесконечно вам признательна. Спасибо... огромное спасибо.

В воздухе повисла долгая, тягучая тишина, такая плотная и осязаемая, что казалось, её можно потрогать руками. Эта тишина была особенной, она пульсировала тревогой и предчувствием грядущего, словно затаенное дыхание природы перед бурей. Вокруг действительно царила мертвенная тишина: ни скрипа половиц, ни шороха ветра за окном, лишь абсолютное отсутствие звуков усугубляло ощущение тревоги. Но для Алены это было обманчиво. Хотя внешне все было спокойно, внутри неё бушевал шторм. Казалось, сердце вырвалось из груди и бешено колотится там, словно пойманная птица, отбивая бешеный ритм страха и надежды. И эта какофония ударов была настолько громкой, что ей казалось, что слышен не только она одна, а будто этот безудержный стук эхом отражается от стен комнаты, проникая сквозь кости и отзываясь болью в каждой клетке тела. Она чувствовала себя невероятно хрупкой и беззащитной, как тонкий лед на реке после теплой зимы, готовый вот-вот треснуть под малейшим давлением. Вся ее жизнь, вся судьба оказалась полностью зависимой от этого человека, оказавшегося единственным лучом света в их мрачной, непроглядной ситуации, последней надеждой на

спасение в крошечной темноте. Затем, совершенно неожиданно для нее, когда она уже совсем потеряла надежду на какое-либо действие, он, словно подчиняясь неведомому импульсу, медленно и бережно поднял ее дрожащую ладонь, такую знакомую и одновременно чужую, покрытую мелкими морщинками, вырисовывающими карту прожитых лет, отпечатанными годами постоянного напряжения и забот. Он внимательно рассматривал эти линии, словно читая историю ее жизни в этих едва заметных складках кожи. И поднес эту усталую, изборожденную морщинами руку к своим губам. Его губы были удивительно мягкими, почти невесомыми, словно два лепестка цветущей розы, а дыхание – теплым и обволакивающим, словно шепот весеннего ветерка, нежно касающегося лица после долгой зимней стужи, дарящий надежду на скорое пробуждение природы. Этот мимолетный контакт был полон скрытого смысла и обещаний, несущих утешение и поддержку в трудные времена.

Это был даже не поцелуй в полном смысле этого слова – не было ни вспышки страсти, ни намек на романтику, лишь легкое, деликатное прикосновение его уст к ее дрожащим пальцам, такое осторожное и уважительное, словно он обратился к древнему ритуалу приветствия или благословения. Это было больше похоже на священный акт передачи энергии, чем на выражение чувств. Словно он передавал через эти старые, потрепанные годы жизни руки какую-то невысказанную благодарность, признательность за пережитые вместе испытания, или просто глубочайшее сочувствие, разделяющее всю тяжесть ее бремени. Однако прежде чем отпустить ее ладонь обратно, прежде чем вернуть ее в состояние беспомощной хрупкости, он легонько, но ощутимо сжал ее руку, передав тепло своего тела, свое присутствие, свою силу. Этот жест был исполнен такой точности и силы, что показался почти физическим воплощением поддержки. И это короткое, едва заметное движение оказалось красноречивее тысячи слов, сказанных вслух, превосходя любые объяснения и оправдания. Оно говорило о непоколебимой поддержке, о глубоком понимании ее боли и страданий, о готовности помочь и защитить во всех предстоящих испытаниях, о том, что они не одиноки в своей борьбе, что есть кто-то рядом, кто разделит с ней горечь поражений и радость побед. В этом жесте была заключена целая вселенная доброты и человечности, способная исцелить самые глубокие раны души и подарить надежду на светлое будущее. Это был молчаливый договор о взаимной помощи и верности, заключенный двумя сердцами, объединенными общей бедой.

– Я приведу доктора, – сказал он, и его голос прозвучал немного сдавленно, чуть резче обычного, чем обычно, словно пелена спокойствия вдруг истончилась, обнажив скрытое напряжение. Ему явно пришлось напрячься, чтобы контролировать бурю эмоций, бурлящую под поверхностью его самообладания, чтобы не допустить предательского прорыва чувств наружу. Мягкий акцент, обычно еле различимый, словно тень, затерявшаяся в тени повседневной речи, на этот раз был особенно замечен, выпрыгивая вперед, словно яркий блик солнца на воде, выдавая его далекое происхождение и добавляя загадочности его личности, подчеркивая экзотичность его происхождения. Этот акцент говорил о месте, где солнце греет иначе, о традициях, которые берегут свои секреты. – Я уверен, что у супруги доктора Артёма, Анны Павловны, наверняка найдется для вас что-нибудь подходящее, вполне вероятно, что-то более пригодное, чем то, что вы сейчас одеты. Необходимо создать правильное впечатление, произвести нужное впечатление, необходимо выглядеть подобающе, учитывая обстоятельства и серьезность сложившейся ситуации. Каждая деталь имеет значение, каждая мелочь может сыграть решающую роль.

– О да. – Она опустила руку, которую он только что коснулся, ту самую руку, которая еще недавно была источником такого нежного и поддерживающего контакта, и откашлялась, пытаясь скрыть волнение, которое все еще сотрясало ее внутреннее ядро, и сгладить неловкость момента, который словно застыл между ними электрическим зарядом. Попытка собраться, взять себя в руки, скрыть тревогу за фасадом вежливости. – Да, конечно, наверняка найдется

что-то элегантное и уместное. Что-то, что позволит ей соответствовать требованиям обстановки.

– Оставайтесь в машине до моего возвращения. Не покидайте автомобиль, пожалуйста. Ваша безопасность важна. Это превыше всего. Не предпринимайте никаких действий самостоятельно. Это ваш приоритет номер один.

Он вышел из машины, бесшумно закрыл дверь за собой, стараясь не производить лишнего шума, словно был диким зверем, избегающим спугнуть добычу, двигаясь с предельной осторожностью, чтобы не нарушить зловещую тишину окружающей среды. Каждый шаг был продуманным, каждое движение — рассчитанным на максимальную тишину. Он поспешил к дому доктора, не оборачиваясь назад, словно боялся увидеть что-то или кого-то, кто мог бы помешать выполнению его задачи. Он чувствовал на себе ее взгляд, словно она обладала сверхъестественной способностью видеть сквозь стены, проникать в самые укрытые уголки сознания, словно она могла почувствовать его мысли и опасения. Этот неошутимый контроль вызывал легкое беспокойство, несмотря на его кажущуюся уверенность.

В темноте салона машины, освещенном лишь бледным светом луны, проникающим сквозь окна, Алёна машинально шевельнула пальцами, теми самыми пальцами, которые он недавно держал в своих руках, словно собирая осколки разбитого зеркала. Она словно пыталась удержать ускользающее воспоминание о его прикосновении, словно пыталась материализовать эфемерное ощущение его присутствия. Движения были неуловимые, почти неслышные, как попытки поймать солнечный зайчик. Затем она крепко сжала ладонь в кулак, словно хотела физически задержать это мимолетное мгновение, словно хотела заключить его в твердую оболочку кулака, словно хотела сохранить ощущение его присутствия рядом, как ценный артефакт. Ей хотелось запомнить эту встречу навсегда, запечатлеть ее в памяти, сделать незабываемым памятником в своем сердце. Это был инстинктивный жест, желание сохранить частицу его близости в мире, который казался таким враждебным и непредсказуемым.

Артём еще никогда так не радовался темноте, как сегодня вечером. Мрак окутывал всё вокруг, словно одеяло, скрывающее неприятные детали и позволяющее хоть ненадолго уйти от реальности. Все вокруг казалось каким-то нереальным, словно декорация театрального представления, лишённого зрителей и сценариста. Пока он направлялся к дому доктора, освещенному лишь тусклым светом окон, бросающим призрачные тени на окружающий пейзаж, его мысли были заняты только одним тревожным открытием: эта девушка, такая кажущаяся хрупкой на вид, но обладающая железной волей и необычайной силой духа, всего одним легким прикосновением, одним простым жестом руки, сумела сломить его тщательно выстроенный мир, разрушить его привычный ход мыслей и поколебать его волю, как удар стихийного бедствия. Он почувствовал странную пустоту внутри, словно вырвали часть его самого, смешанную с необъяснимым влечением к этой незнакомке, к этому таинственному существу, появившемуся из ниоткуда. Что это значило? Он не знал и боялся узнать ответ, потому что подозревал, что этот ответ изменит его навсегда.

С того самого дня, когда он впервые встретил Алёну в величественном поместье её отца, расположенном далеко за городом, вдали от городской суеты, в окружении бескрайних полей и вековых лесов, он ощутил непреодолимое, почти физическое влечение к ней, которое парализовало волю и лишало возможности рационально оценивать ситуацию. Этот импульс был настолько силен, что захватил его врасплох, словно внезапная буря, и посеял в душе беспокойство, зародыш сомнения в собственной непогрешимости. Он знал её историю, трагичную и жуткую, легендарную повесть о падении знатного рода, переплетающуюся с кровавыми событиями прошлого, которую, впрочем, знали все в округе и обсуждали в высшем обществе в

течение многих лет, шепотом передавая страшные детали из уст в уста, как запретные плоды древа познания. История, которая должна была оттолкнуть его, вместо этого притянула его с неотвратимостью магнита.

Эта история стала легендой, окутанной слухами и спекуляциями, превратившись в мрачное предостережение и источник бесконечных разговоров за чашкой чая в кругах высшего общества. В пятнадцать лет, будучи юной школьницей, полной надежд и мечтаний, она была похищена неизвестными людьми, чьи имена и мотивы так и остались неразгаданной тайной, и удерживалась в плену несколько недель, пережив ужасы, которые невозможно представить словами, ужасы, оставившие неизгладимый след на ее психике. Чудом её удалось освободить, благодаря усилиям полиции и журналистов, получившим широкую огласку в прессе, но шрамы от этого события остались незаживающими, глубоко засевшими в ее душе и теле. Этот случай был предметом многочисленных обсуждений в светской жизни, превратившись в тему для сплетен и морализаторских выступлений, и вызывал смесь искреннего сочувствия и животного ужаса у окружающих, усиливая эффект ее трагической истории.

Несмотря на такое страшное испытание, несмотря на травму, которая могла бы сломить любого другого человека, погрузив его в пучину отчаяния и безнадёги, молодая девушка смогла собраться, проявить невероятную стойкость и попытаться наладить свою жизнь, вернуться к нормальной жизни, хотя и осознавая, что прежней жизни уже не будет. Однако на первом же балу, организованном в почётный образ её возвращения в общество, событии, призванном отметить ее триумф над горем и символизирующем возвращение к нормальности, она не выдержала напряжения и стресса, вызванного необходимостью демонстрировать благополучие и соответствие ожиданиям окружающих, словно хрупкий цветок, попавший под град камней. Перегруженная социальными ожиданиями и собственными демонами, она не смогла справиться с атмосферой роскоши и показной жизнерадостности и рухнула, словно картонный домик, потеряв равновесие и убедившись в тщетности попыток вернуться к прежней жизни.

После короткого приветственного приема, словно застигнутая врасплох собственной слабостью, она внезапно исчезла, сбежала от яркого света софитов и любопытных взглядов, жаждущих зафиксировать ее реакцию, словно пугливое животное, спасающееся от хищника. Она скрылась от посторонних глаз в обширном отцовском поместье, которое было настоящей крепостью, неприступной цитаделью, патрулировавшейся мощной частной охраной, состоявшей из опытных профессионалов, и бдительными сторожевыми собаками, чья задача заключалась в обеспечении полной изоляции от внешнего мира, создавая атмосферу безопасности и уединения. Там она провела месяцы в заточении, добровольном заточении, восстанавливая силы и пытаясь справиться с последствиями пережитого потрясения, вдали от посторонних глаз и навязчивого внимания прессы.

С того самого дня, когда он впервые встретил Алёну в поместье её отца, событие, врезавшееся в память, словно отметка на дереве времени, он был поражен в самое сердце её миниатюрностью, необыкновенной изящностью и тонкостью черт лица, словно увидел прекрасный ангел, сошедший на землю из небес. Она казалась воплощением нежности и чистоты, олицетворением хрупкой красоты, стоящей на грани гибели. Её образ заморозил его, оставив неизгладимый след в его душе.

На её лице, выточенном будто из тонкого фарфора и имеющем форму сердца, обрамлённого непослушными, как вихрем, прядями тёмных волос, что постоянно падали на лоб и щеки, выделялись огромные, печальные карие глаза – поистине гипнотические. Они были невероятно выразительны, казались бездонными омутами, глубокими и тёмными, словно отражали бесконечную вселенную грусти. В их глубине можно было прочесть истории неслыханных страданий, почувствовать тяжесть невыплаканных слез, застывших на глазах, как кристаллики льда.

Её хрупкость, ее кажущаяся уязвимость, подчеркнутая бледностью кожи и трепетной тонкостью костей под ней, вызвала у него непреодолимое желание защитить её, словно драгоценный хрусталик, оградить от всех бед и невзгод мира, стать её щитом от любой опасности, будь то зловонная клевета или просто равнодушное слово незнакомца. Он чувствовал потребность быть рядом, ощущать ее присутствие, словно ангел-хранитель.

Глаза Алёны, словно окна в самую душу, хранили молчаливые воспоминания о тех тёмных, жестоких днях, которые она пережила: о холоде заброшенного дома, о голоде, о насмешках и предательстве. Эти дни оставили неизгладимый след на ее душе, превратив некогда звонкий смех в тихий вздох, а яркие краски жизни – в тусклые оттенки серого. Ему остро захотелось обнять её, прижаться к ней, ощутить тепло ее тела, передать частичку своего тепла и спокойствия, утешить и заставить забыть о страхах, которые преследовали её повсюду, словно призраки прошлого. Он мечтал увидеть, как исчезнет напряжение в плечах, как расслабится шея, как дрожь покинет ее руки. Чтобы её строго сжатые губы, выражающие такую боль и скорбь, словно пытающиеся удержать потоки слез, наконец озарила робкая, но искренняя улыбка – первая за долгое время, освещающая ее лицо лучами надежды.

Однако именно эта так привлекающая его хрупкость, эта видимая уязвимость, этот образ беззащитной девушки, нуждающейся в помощи и поддержке, заставляла его инстинктивно держаться на почтительном расстоянии, словом, действовать осторожно, словно работая с разбитым сердцем. Он понимал, что любое неосторожное движение, любая поспешная фраза может разрушить создавшийся вокруг нее барьер, вызвав новую волну переживаний и боли. Избегал любых действий, способных нарушить её внутренний баланс и вызвать новые переживания, понимая, что даже самая искренняя попытка помочь может оказаться контрпродуктивной, лишь усиливая ее страдания и укрепляя стены, воздвигнутые ею между собой и миром. Он знал, что для того, чтобы заслужить доверие, нужно время и терпение, а главное - уважать ее границы и давать ей возможность самой решать, когда и как открыть свое сердце.

8

Алёна была мечтой, прекрасной и недостижимой, словно мираж в пустыне, давящей своей неизбежной реальностью. Она представлялась как далекая и несбыточная иллюзия, сотканная из обрывочных воспоминаний о случайных встречах и украшенная фантазиями, которые он сам же и создавал. Их союз был невозможен с самого начала, обречен на неудачу еще до того, как первая мысль о нём возникла в его голове – жестокий вердикт судьбы, подтверждаемый всем вокруг. Даже если бы они, каким-то невероятным образом, сумели преодолеть значительную разницу в их социальном положении – она, светская львица, окруженная вниманием знати и влиятельных людей, а он, скромный чиновник, живущий тихой жизнью вдали от шумных салонов высшего общества – и огромную пропасть в их жизненном опыте, столь различны были их пути и взгляды на мир, их любовь все равно оказалась бы бессильной перед непреодолимым барьером обстоятельств. Любовь к такой женщине казалась ему преступлением против разума, слабостью, которую необходимо пресечь во имя собственного благополучия и репутации. Он чувствовал себя глупцом за эту безумную страсть, упрекал себя за то, что позволял своим чувствам брать верх над разумом.

Он услышал движение в доме, еле слышный скрип половиц под чьей-то поступью, звук шагов, отразившихся от холодных стен длинного коридора, эхом разносящихся по всему дому. Сердце бешено закололось в груди, кровь застучала в висках, дыхание стало поверхностным и учащенным. Глубоко дыша, стараясь обуздать бурю эмоций, захватившую его с головой, он попытался успокоиться и вернуть себе равновесие, подавить разгорячившиеся его чувства, словно дикого зверя, вырвавшегося на свободу, и вновь обрести контроль над ситуацией. Прошло столько лет с тех пор, как он ощущал подобное волнение, так долго к нему не прикасалась нежная женская рука, не касалась его кожи бархатом шелка, не согревала его душу теплом ласки и понимания. Всего лишь мгновение назад, мимолетное прикосновение, пусть даже и косвенное – легкое постукивание каблучков по паркету, едва уловимый аромат её духов, парящий в воздухе – разрушило многолетний бастион его хладнокровия и самообладания, возведенный годами работы над собой и отказом от любых проявлений чувственности. В этот момент рухнули стены, отделяющие его от прошлого, от надежд и мечтаний, погребая под своими обломками рациональность и рассудительность. Этот короткий эпизод пробудил в нем дремавшего зверя, жаждущего тепла и близости, давно забытого им и тщательно скрываемого от посторонних глаз, но пока что вынужденного прятать свои чувства в глубине души, где они тлеют слабым огоньком, питаясь лишь воспоминаниями и мечтами.

Удары становились всё настойчивее, каждый новый постук эхом отражался от старой деревянной хижины, словно подчеркивая его собственное состояние – смесь раздражения и едва скрываемой злобы. Он чувствовал, как наслаждение этим ритуалом, этой демонстрацией силы, постепенно превращается в бессмысленную трату энергии. Ему нравилось ощущать контроль над ситуацией, даже если эта ситуация заключалась лишь в бесполезном стуке по ветхой ставне. Расправиться с бандой головорезов, терроризировавших округу последние несколько месяцев, ему действительно удалось благодаря продуманной тактике, обходным маневрам и точному расчету рисков, а вовсе не поддавшись импульсивной ярости, которую он всегда старался держать под контролем. Однако всего пять коротких минут, проведенных в компании очаровательной и совершенно незнакомой Алёны, оказались достаточными, чтобы разрушить все эти тщательно воздвигнутые преграды между разумом и сердцем. Пять минут смеха, случайного прикосновения руки, искренней благодарности в её глазах... Всё это разом обвалило всю ту хрупкую конструкцию самоконтроля, которую он годами строил. Он должен был забыть

о ней, как о страшном сне. Он знал, что у него нет другого выхода, ни единого шанса на счастье с ней. Он просто не заслуживал такой нежности, такого чистого света в своей жизни, ведь его прошлое было покрыто темными пятнами, которые не смывались ни временем, ни искуплением.

Артём бросил быстрый взгляд на свою выдавшую виды "Волгу", припарковав ее подальше от дома, чтобы избежать лишнего внимания. И в этот момент, когда лунный свет освещал двор, дверь хибаритной лачуги распахнулась, выпустив наружу яркий луч света, который пронзил ночь и выхватил из темноты часть автомобиля, будто застывшего во времени. Фары высветили царапины на боку машины, сколы на крыле - свидетельства недавней перестрелки. Словно зловещее напоминание о том, чего не могло произойти, о той жизни, которой ему никогда не видать.

Он резко повернулся к человеку, появившемуся в дверном проеме. Это был доктор Артюхов, его дальний родственник, человек, которого он почти не знал, но уважал за профессионализм и репутацию в округе. В свете фонаря его лицо казалось бледным и усталым. Каштановые волосы были взъерошены, словно он только что пережил бурю, а старомодные очки неуловимо цеплялись за кончик носа, постоянно сползали вниз, требуя поправки. Судя по всему, доктор спешил, потому что лихорадочно вправлял мятую рубашку в пояс брюк, пытаясь хоть немного привести себя в порядок после, вероятно, долгой и напряженной работы.

– Чем могу быть полезен? – спросил доктор, его голос звучал слегка хрипло и встревоженно.

– Меня зовут Артём Королёв. – произнес он четко, стараясь говорить спокойно и уверенно, несмотря на внутреннее смятение. – Я привёз раненого. Мы нуждаемся в медицинской помощи, срочной.

– Артём... Королёв? – повторил доктор, прищурившись в свете фонаря, словно пытаясь лучше разглядеть собеседника в полумраке. Его тон выдавал легкое замешательство и любопытство.

Доктор откашлялся, явно осознав в тот же миг кто перед ним стоит и какую тень тянет за собой его хозяин, Артём Королёв. Он нервно поправил очки, которые предательски съехали на кончик носа, и машинально отступил на шаг в сторону, создавая небольшое пространство между собой и потенциальной угрозой.

– Раненого, вы сказали? – переспросил он, стараясь сохранить нейтральное выражение лица. – Вы?..

Он оборвал себя на полуслове, почувствовав, как слова застряли в горле, не давая закончить фразу. Казалось, он пытался найти подходящие слова, чтобы выразить смесь удивления и осторожного уважения, которое вызывал в нем Артерм Королев.

– Где он? – наконец произнес он, возвращаясь к делу, стараясь сосредоточиться на задаче и отогнать посторонние мысли.

Ни в малейшей степени не смутившись внезапной неопределенностью доктора, Артём оставался спокойным и бесстрастным, не проявляя ни малейшего намека на высокомерие или раздражение. Он плавно повернулся и указал рукой в направлении машины, где еще недавно слышали выстрелы.

– Там. Ранение в грудь. Серьезное, требует немедленного вмешательства.

Неуверенность доктора, вызванная присутствием самого Артёма Королева, мгновенно уступила место профессиональному инстинкту врача. Оценив ситуацию, он решительно направился к машине, направляясь к месту происшествия, готовясь оказать необходимую помощь.

– Давайте отнесём его в дом. – предложил доктор, уже демонстрируя уверенность и компетентность. Он потянулся к дверце машины, намереваясь открыть ее и приступить к осмотру раненого. Но Артём неожиданно перехватил его руку, останавливая посередине пути.

– Я хочу предупредить вас, что в машине находится девушка, – сказал Артём, сохраняя ровный тон голоса, – которой сегодня пришлось пережить большое потрясение. Она в шоке, ей нужна будет ваша поддержка и понимание.

– Девушка? – переспросил доктор, поднимая брови в удивлении. Он бросил быстрый взгляд на дверцу машины, где на запотевшем стекле была отчетливо видна стилизованная эмблема водолазного центра — графический знак воды, символизирующий связь с морем и подводным миром. Выражение на лице доктора изменилось буквально моментально: его глаза расширились до размера блюдца, а челюсть чуть заметно упала. Осознание того, КТО именно находится в машине, и кем является эта девушка, было просто смехотворным и одновременно показательно. Все его предыдущие сомнения и опасения исчезли в один миг, замененные смесью благоговейного трепета и глубокого уважения.

Именно этим знаком Артур Симонов, местный криминальный магнат и главарь банды, публично обозначал свое влияние и контроль над территорией. Члены его банды делали татуировки на запястьях в виде трех волнистых линий, образующих подобие якоря – символ их верности и подчиненности. Эти жестокие люди во главе со своим беспринципным предводителем ими же клеймили (иначе это явление трудно назвать), свои женщины и детей, выставляя напоказ свое владение и зависимость от них. Варварство! Самое настоящее средневековое варварство, не имеющее ничего общего с современным обществом. Подобного уровня жестокости и деградации не видели со времен хаоса и беззакония девяностых годов.

– Бог ты мой! Алёнушка! – воскликнул доктор, не в силах поверить своим глазам. Его голос дрожал от изумления и какого-то предостережения.

Он резко рывком открыл дверцу машины, не обращая внимания на возможные последствия.

– Алёнушка! С тобой всё хорошо? – спросил он, с тревогой глядя на девушку внутри салона.

Алёна всё ещё сидела в той самой позе, в которой Артём оставил ее, крепко удерживая повязку на ране своего друга, Айшата, который лежал рядом, обессиленный и потерявший много крови. Она закуталась в шерстяную шаль, и ее длинные темные волосы рассыпались по плечам небрежными прядями, придавая ей вид девушки, охваченной безумием, а не дочери влиятельного бизнесмена, чье прошлое было связано с криминальными структурами. Однако, несмотря на пережитый ужас, она нашла в себе силы встретить доктора приветливой улыбкой, словно приглашала его на чай, а не наблюдала за тем, как ее близкий друг истекает кровью прямо перед глазами.

– Добрый вечер, доктор Артюхов, – сказала она мягким голосом, стараясь казаться спокойной и собранной. – К несчастью, моего знакомого таксиста ранили бандиты, работающие на Симонова.

– А ты? – поинтересовался доктор, все еще находясь в состоянии шока. – Ты не ранена?

Доктор влез в салон машины, сразу же замечая ужасное состояние платья Алёны – порвано, запачкано грязью и кровью, свидетельствующее о бурной схватке и пережитом стрессе. Он бросил быстрый взгляд на Артёма, и на его лице мелькнула тень подозрения, быстро сменяющаяся профессиональным интересом и необходимостью действовать.

– Нет. Артём прибыл как раз вовремя, – ответила Алёна, стараясь говорить ровно, хотя голос выдавал тревогу. Она встретила взглядом с Артёмом и одарила его улыбкой искренней благодарности, которая тут же сменилась выражением глубокой озабоченности за судьбу пострадавшего. – Но я очень волнуюсь за Айшата. У него кровопотеря значительная.

Доктор склонился над мужчиной, осторожно приподнимая окровавленные повязки и оценивая тяжесть ран. Видно было, что дело серьезное и требуется немедленное медицинское вмешательство.

– Когда его ранили? – спросил доктор, стараясь говорить успокаивающим тоном, чтобы не усугубить состояние пациента.

– Менее чем полчаса назад, – выступил вперед Артём, демонстрируя твердость и готовность помочь. – Я могу помочь вам донести его. Не нужно прилагать чрезмерные усилия.

– Это очень хорошо, – согласился доктор, кивая головой. – Нам нужно доставить его в дом как можно быстрее, чтобы обеспечить ему квалифицированную помощь. Алёнушка, могу ли я вас попросить помочь мне стабилизировать его состояние по дороге?

9

Пока доктор осматривал раненого, широкоплечий Артём с усилием протиснулся в тесный салон машины, чтобы поддержать раненого за руки и облегчить задачу переноски. Алёна инстинктивно отстранилась настолько далеко, насколько позволяло пространство салона, словно пытаясь стать невидимой, стараясь не мешать мужчинам и не привлекать к себе внимание.

– Раз... два... три! – досчитал доктор, напрягая все силы. Тяжело выдохнув после того, как они подняли водителя и вытащили его из машины, они начали медленно двигаться к дому. Алёна поспешила за ними, поддерживая их и оказывая любую возможную помощь.

– Сейчас налево, – командовал доктор Артюхов, указывая направление, когда они вошли в просторный, но немного обветшалый дом. – Положите его на стол. Господин Королёв, не могли бы вы снять с него одежду? Необходимо провести тщательный осмотр ран и обработать их антисептиками.

Алёна заглянула в небольшой, но оборудованный всем необходимым смотровой кабинет доктора Артюхова: Артём начал аккуратно снимать с Айшата мокрую и окровавленную одежду, проявляя максимальную осторожность, чтобы не причинить ему дополнительных страданий, пока доктор Артюхов тщательно мыл руки под проточной водой, соблюдая все правила гигиены. Звук быстрых шагов привлек ее внимание: это супруга доктора, элегантная и энергичная женщина, поспешно спускалась по скрипучей лестнице.

– Саша, я могу помочь? – произнесла эта привлекательная блондинка, входя в комнату, ее голос звучал мягко и заботливо.

На ней было надето удобное серое платье, подчеркивающее ее стройную фигуру, а длинные светлые волосы она собрала назад, закрепив атласной лентой, освобождая шею и лицо. Она направлялась в смотровой кабинет, чтобы предложить свои услуги, но ее взгляд случайно упал на Алёну, и она невольно замерла на месте, пораженная видом девушки. Ее прекрасные голубые глаза выражали искреннюю тревогу и сочувствие.

Доктор Артюхов появился в холле, вытирая руки о белоснежное полотенце, на котором остались следы мыльного песка.

– Алиса, присмотри, пожалуйста, за Алёнушкой. – сказал он, бросая краткий взгляд на жену. – На нее напали бандиты, она сильно потрясена.

– О святые небеса! – воскликнула жена доктора, выбегая вперед и бережно взяв Алёну за руки, сжимая их в знак поддержки и утешения. – Ты не ранена, дорогая?

– Нет. – тихо ответила Алёна, стараясь контролировать эмоции и не показывать слабость.

Она невольно закуталась в шаль, чувствуя внезапное замешательство и дискомфорт от чужого внимания.

– Но если бы вы одолжили мне какое-нибудь платье... – добавила она, покраснев, осознавая, как неприлично выглядит в своем разорванном и загрязненном платье. – Мне нужно что-то приличнее, прежде чем я увижу кого-либо из ваших гостей.

– Конечно, дорогая, конечно, – успокоила ее Алиса, тепло улыбаясь. – Пойдём наверх. Там наверняка найдется что-то подходящее для тебя. У меня есть масса вещей, которые тебе подойдут идеально. Не волнуйся, мы сейчас кое-что найдем.

Алёна последовала за госпожой Артюховой, оставляя за собой суматоху в кабинете доктора, где продолжались неотложные действия по спасению жизни раненого. Артём вышел из смотровой, застегивая на ходу свою кожаную куртку, звук молнии разносился по тишине комнаты.

– Один из бандитов связанный лежит в багажнике. Он остался там, – сообщил он доктору, оглядываясь через плечо, – я отвезу его в отделение полиции. Вы проследите за тем, чтобы Алёна добралась домой в целости и сохранности. Важно, чтобы ей ничего не угрожало.

Из смотровой донеслись приглушенное утвердительное бормотание доктора и госпожи Артюховой, подтверждающее их готовность оказать поддержку.

Он уже уезжал? Алёна задержалась на первой ступениках широкой лестницы, не в силах оторваться от фигуры Артёма, растворяющейся в вечернем сумраке.

– Артём. – тихо позвала она, преодолевая нерешительность и страх.

Артём взглянул вверх, его темные глаза встретились с ее зелеными, явно удивлённый тем, что она ещё ждет его.

– Алёна? – переспросил он, его голос был низким и немного хриплым.

Она направилась к нему, спускаясь по ступеням навстречу его автомобилю. Он не сводил с неё глаз, внимательно наблюдая за каждым движением, но когда она встала перед ним, ни один мускул не дрогнул на его каменном лице, не выдавая никаких эмоций. Ей остро захотелось коснуться Артёма, почувствовать тепло его тела, чтобы хоть как-ли снять напряжение, исходящее от него, и передать ему частичку своей собственной тревоги. Но они оба знали, что находятся в опасной близости друг к другу, и любое неверное движение может иметь непредвиденные последствия. Их положение было слишком хрупким, чтобы позволить себе какие-либо сантименты.

– Я была бы благодарна тебе, если бы ты затем вернулся, – тихо сказала она, выбирая слова с особой тщательностью, стараясь не выдать всей глубины своего чувства незащищенности. – Я почувствую себя в большей безопасности, если ты будешь сопровождать меня домой. Вечер выдался тревожным, и мне нелегко справиться с пережитым одной.

Линия его подбородка очертилась ещё яснее под слабым светом уличного фонаря, подчеркивая силу и решимость, которые обычно скрывались под маской непроницаемости. Ничего не выдавало его внутренних мыслей и чувств.

– Как ты пожелаешь, – сухо ответил он, его голос был монотонным и лишенным каких-либо эмоций. Решение было принято мгновенно и безоговорочно.

– Да, я желаю именно этого, – добавила Алёна, укрепляя свой запрос. – Поскольку я уверена, что мой отец захочет поблагодарить тебя лично за твоё участие в этом деле и за то, что ты помог нам выбраться из сложившейся ситуации.

Он резко кивнул, соглашаясь с ее словами и признавая важность установления контакта с ее отцом, человеком власти и влияния. Затем, не говоря больше ни слова, он повернулся на каблуке и исчез за массивной дубовой входной дверью, оставляя Алёну одну на пороге дома, погруженную в мысли и ожидание его возвращения. Воздух вокруг казался наполненным электрическим зарядом напряжения.

10

Артуру Симонову угрожала реальная, осязаемая опасность — не мифическая тень из прошлого, не плод тревожного воображения, а холодная, чёткая угроза, пропитанная смертельной достоверностью. Некоторые, будучи слабыми духом или просто непонятливыми, могли бы сказать: «Опять переборщил. Надо же, какое напряжение!» Они склонны объяснять тревогу стрессом, неврозами, последствиями травматического опыта — словом, всё тем, что можно списать на психическое состояние. Другие, бывалые, смотрящие на мир через прицел обиды и разочарования, могли бы высмеять его, назвать параноиком, человеком, который уже давно вышел за грань между осторожностью и подозрительностью, где каждый шорох в чаще становится шагом убийцы, каждый голос вдалеке — предупреждением о неминуемой гибели.

Но Артур знал. Он знал, потому что помнил. Помнил взгляд того человека — холодный, точно лёд в середине зимнего озера, без малейшего проблеска человечности. Помнил, как тот стоял рядом с ним в ту ночь, когда всё закончилось — не с криком, не с боем, а с тихим щелчком, почти как закрытие двери. И хотя полиция нашла тело, исключила версию убийства, причислив смерть к несчастному случаю, Артур был уверен: никто другой не мог так точно рассчитать момент, не мог так спокойно уйти, не оставив следов. А теперь — этот человек снова здесь. Не случайно, не вскользь. Он явился в образе простого работяги, живущего в заброшенном посёлке Градов, куда не доезжает ни автобус, ни телефон, где дороги зарастают травой ещё до того, как их успеют отремонтировать. Там, среди старых сеновалов, полуразвалившихся домиков и вечных туманов, которые не расходятся даже в полдень, он сейчас пьёт вино, смеётся над шутками соседей-стариков, делает вид, что заново родился в мире, где нет крови на руках, где нет долгов перед судьбой.

И вот в этом-то и была ужасающая истина: он улыбался. Улыбался, пока Артур сидел в своём номере отеля в городе, сжимая в руке фотографию, которую получил два дня назад — снимок с крыши одного из сараев в Градове, сделанный ночью с помощью телефона с увеличенной камерой. На фото — фигура, стоящая спиной к камере, но Артур узнал эту осанку, эти широкие плечи, этот способ поворачивать голову, будто проверяя, не наблюдают ли за ним. Это был он. Живой. Оживший. И, самое страшное — абсолютно спокойный. Как будто ничего не случилось. Как будто не убил человека ради одной-единственной цели, ради чего-то, что нельзя объяснить словами, только понять — внутри, в самом корне души. Он пил вино, смешивался с людьми, говорил о погоде, о том, как плохо сегодня пахнет весна, и при этом думал о том, как будет кончаться Артур — медленно, постепенно, как сгнившее дерево, которое падает без шума.

Потому что он знал, что Артур знает.

Потому что он знал, что Артур приближается.

И потому что он уже выбрал время.

Сейчас, когда за окном городской вечерний сумрак начинает растворяться в тумане, а вдали слышится еле слышный вой собаки, Артур стоит у окна, чувствуя, как холод проникает сквозь стекло, как будто кто-то дышит ему прямо в затылок. Он больше не сомневается. Он знает, что скоро придёт.

Не сирена. Не взрыв. Не пистолет.

Просто дверь. Открытая.

Тихо.

Как тогда.

Как всегда.

В тишине личной библиотеки, где книги стояли вдоль стен как стражи древних секретов, а свет лампы падал на кожаные переплёты и золотую фольгу на заглавиях, криминальный авторитет пытался избавиться от тоски — той тяжёлой, внутренней, как свинец в желудке, что накапливается в глубине души именно в те часы, когда весь мир замолкает, а время теряет значение. За окном, в расстоянии нескольких сотен метров, лишь мерцание удалённых фонарей на просёлочной дороге да тень дерева, покачивающегося в незаметном ветре. Ни звука. Только тишина, которая, казалось, давила на барабанные перепонки, будто пыталась заговорить сама.

Он встал с кресла — массивного, с высокой спинкой, обтянутого потёртой красной кожей, на которой ещё сохранились отпечатки пальцев тех, кто раньше сидел здесь, кто тоже, возможно, чувствовал себя потерянным в этой бесконечной ночи. Каждое движение причиняло боль — ноги были как будто забиты песком, мышцы сжались, будто годами не выходили из положения сидя. Лёгкие с трудом впитывали воздух, будто они сами отказывались быть частью жизни, как будто их уже не интересовало, чем кончится этот день. Он сжал кулаки, пальцы впились в древесину оконной рамы — она была холодной, почти ледяной, словно выдерживала вековой холод, не позволяя ничему теплему проникнуть внутрь.

Подойдя ближе к стеклу, он приложил ладонь к поверхности — и почувствовал, как по её поверхности пробегает легкий иней, хотя за окном не было снега, не было мороза. Просто ночь. Тяжёлая, непроницаемая, как чернила, разлитые по всему небу. Он смотрел вниз, в поля, которые раньше были залиты светом, а теперь поглотило тьма, размытая в сером мареве. Здесь, среди сосен, среди старых клёнов, чьи ветви касались земли, как будто простирали руки к небесам в молитве, — здесь, в этом поместье, где каждый уголок хранил воспоминания, он впервые задумался: сколько ещё?

Сколько ещё дней, часов, минут может он прожить, прежде чем кто-нибудь придет, не с добром, не с вопросом, а с пулей? Сколько ещё он сможет сидеть в этом кресле, читать Фёдора Михайловича, вспоминать, как в молодости хотел стать писателем, а вместо этого стал тем, кем стал?

— Подлец... — прошептал он, и слова вышли хриплыми, почти неслышными, но в них была вся горечь, вся ненависть, вся непростительность, какие могут быть только в одном-единственном слове. Губы побелели, как у мёртвого. Лицо осунулось, глаза — бледные, как бумага после огня. Это слово не было криком. Это было исповедь. Это был приговор, произнесённый самим собой.

Он говорил не о ком-либо другом. Не о бандите, не о конкуренте. Он говорил о себе — о своём сыне, о своём кровном родстве, о Георгии Лешкове, который был не просто внуком, не просто потомком, а ребёнком, рождённым в той самой комнате, где теперь стоял он. Георгий, умный, хладнокровный, как сталь, но с глазами, которые когда-то сияли от любви к книгам, к музыке, к тому, что называется «будущим». Он учился в Московском университете, писал рассказы, мечтал о свободе, о справедливости. Но затем — всё изменилось. Когда отец, его собственный сын, был убит на рынке — не из-за денег, а из-за одного слова, сказанного в ссоре, — Георгий начал меняться. Он не стал плакать. Он не стал требовать справедливости. Он стал считать. Рассчитывать. Выбирать.

Через три года после смерти отца он приехал в это поместье. Приехал без слов. Без объяснений. Зашёл в кабинет, сел на место, где раньше сидел отец, и сказал: "Я сделал это для тебя. Я сделал это ради нас обоих."

Два месяца спустя — тело отца найдено в подвале. Убийство, оформленное как самоубийство. Все документы, все показания — подделки. Полиция закрыла дело. Люди молчали. Семья исчезла. Только один человек знал правду. Только один — он.

И теперь, в эту тёмную, безлюдную ночь, когда тишина стала слишком громкой, когда каждый звук — как удар по стеклу, — он вспоминал. Вспоминал, как Георгий, стоявший у двери, сказал: "Ты не был моим отцом. Ты был только тем, кто меня воспитал. А я — тот, кто должен был уничтожить то, что ты создал."

И теперь он стоял у окна, смотрел в ночь, в которую больше никогда не вернётся.
И повторил — шепотом:

— Подлец.

Потому что он знал: если Георгий приедет, он не приедет, чтобы поговорить.

Он приедет, чтобы закончить.

И это будет не месть.

Это будет — завершение.

У Артура подкосились ноги — не от боли, не от усталости, а от того, что внутри, в самом сердце, что-то оборвалось, как струна, рванувшаяся под напряжением, которое накопилось годами. Он рухнул на колени, но не упал — сцепил пальцы, впившись в шершавый камень подоконника, как будто только эта грязная, холодная поверхность могла удержать его от падения в бездну, в которую он вдруг оказался. Перед глазами вспыхнуло — не картинка, а чувство: миг, когда всё стало ясно. То, что он пытался вычеркнуть, забыть, отделить от себя, как тяжёлую вещь, бросившуюся в реку, — вдруг всплыло, разъярённое, невозможное, истинное.

Лишь несколько недель прошло с тех пор, как бывший напарник Григория, человек, которому он доверял больше, чем себе, — тот самый, кто помогал ему вести дела, справляться с проблемами, выносить тела, — лежал на больничной койке, обсыпанной белыми пластырями, с трубками в носу и глазами, уже не видящими настоящего мира. Он умирал. И в последние секунды жизни — когда дыхание становилось хриплым, а голос — едва различимым — он прошептал всё. Не смягчив, не оправдывая. Просто сказал. Как будто очистился. Как будто наконец смог выговорить то, что носил в себе двадцать лет.

«Григорий... не просто убивал. Он устраивал. Каждое убийство — план. Каждая смерть — акт ритуала. Он хотел, чтобы власть была не только в руках — она должна была быть в крови. В страхе. В боли.»

И в этот момент Артур понял: всё, что происходило, всё, что он принимал за судьбу, за неизбежность, за «случайные» трагедии, — было спланировано. Заготовлено. Выращено, как ядовитое растение в тёмном углу.

А потом — имя. Одно имя, которое он не мог произнести, даже в мыслях.
Георгий.

Его дальний кузен. Человек, которого он встречал лишь на похоронах, на праздниках, в редких, формальных встречах, когда кто-то из родственников устраивал сборище в имении. Такой, кто не пользовался вниманием, кто не входил в круг близких, кто не участвовал в делах. Кажется, он вообще не существовал в семье. Даже в записях — он был "Г. Л.", не указывался в списках наследников. Но он был там. Он был. И он ждал.

Когда Ринат, его единственный сын, утонул в пруду поместья восемь лет назад, все приняли это за трагедию. Правда, отец — он сам — тогда не поверил. Никто не заметил, что Ринат, пятнадцатилетний, хорошо плавал. Что он не стал бы бросаться в воду без причины. Что в тот день, когда его нашли, в кармане его пальто лежало письмо — не адресованное никому, не подписанное. Просто строки: «Я знаю, что ты хочешь. Я не стану тебе мешать. Но ты не получишь его. Не получится.»

Никто не прочитал. Никто не обратил внимания. Письмо сгорело в печи — по указанию самого Артура, который не мог вынести мысли о том, что сын мог быть против него.

Но теперь — всё. Теперь он знал.

Георгий, который был не просто дальним кузеном, а сыном младшего брата его отца, — тот самый, кто, казалось, был лишним, чужим, — решил действовать. Он не стал ждать. Он не стал требовать. Он просто убрал препятствие. Он использовал Рината как приманку, как повод. Потому что, когда сын умер, Артур рухнул. Разрушился. Его сила, его власть, его влияние — всё растаяло. Он стал слабым. Уязвимым.

А Георгий — тот, кто всё это видел. Кто ждал. Кто знал, что, когда отец потеряет сына, он станет жертвой. И тогда — он пришёл. Не с пистолетом, не с шантажом. Он пришёл с тихой, холодной улыбкой. С тем, что называют «правом на наследство», которое, как оказалось, он получил — не по завещанию, а по факту. По праву сильного. По праву убийцы.

Он не нуждался в документах. Он не нуждался в процессах. Он просто стал новым хозяином. И теперь, когда Артур смотрел в окно, он не видел ночи. Он видел пруд. Вода, стоящая тёмной, как смола. Он видел, как Ринат — его сын — падает, бьётся, кричит, но никто не слышит. Он видел, как Георгий, стоящий на берегу, смотрит вниз, и улыбается.

И он понял:

это был не несчастный случай.

Это была победа.

Победа того, кого он считал слабым.

Того, кого он считал незначительным.

Того, кто был его кровью — и чьей-то смертью.

А теперь он стоял у окна, держался за подоконник, и думал:

«Я был слеп. Я был глуп. Я позволил этому случиться.»

Но главное — он больше не был слеп.

Он видел.

И теперь он знал:

Георгий — не просто кузен.

Он — монстр.

И он ещё не закончил.

Напрасно он открыл свою вражду. Напрасно выступил — не с оружием, не с доказательствами, не с защитой, а с откровенным вызовом. Артур теперь только поражался собственной глупости, как будто мозг его, ослеплённый болью и горечью, не мог отличить бреда от реальности. Он не просто ошибся — он совершил роковую ошибку, сравнив себя с тем, кто давно научился играть в игру, правила которой он не знал. Шок, охвативший его после разоблачения, — не эмоциональный приступ, а разрушение всего, что он считал основой мира: семьи, доверия, справедливости. Этот шок вытолкнул его из дома, из спокойствия, из самообладания — прямо в пасть тому, кого он считал своим племянником, своим родственником, своим близким.

11

Он пришёл в дом Георгия, не зная, что шагнул не на территорию родственного гостеприимства, а на поле битвы, где правила уже были изменены. Он ожидал встретить того, кого знал — мягкого, чутьсловного, немного стеснительного юношу, которого когда-то брал с собой на прогулки, обучал поведению за столом, дарил книги. Но в тот момент, когда он открыл рот, чтобы сказать: «Ты убил моего сына», — лицо Георгия изменилось. Не сразу. Сначала — лёгкая улыбка, как будто удивление. Потом — тень, быстро пропавшая. А потом — полная перемена.

Обходительность исчезла. Словно кто-то сбросил маску. Вместо доброго, почтительного кузена — появился чужой. Холодный. Жестокий. С глазами, в которых не было места для сострадания, только удовлетворение, как будто он ждал этого момента всю свою жизнь. Он не отрицал. Он не оправдывался. Он признал.

— Да, — сказал он, не торопясь, смотря прямо в глаза Артуру. — Я убил Рината. Не потому что он мне мешал. Не потому что был в пути. Я убил его, потому что он был последним, кто мог помешать мне. Он был самым близким к власти. Самым сильным. Самым — несгибаемым. А я хотел быть сильнее. Хотел, чтобы мой путь был чист. Чтобы никто не спорил. Чтобы никто не сомневался.

Он начал описывать. Детально. Беспощадно. Как Ринат попал в пруд — не случайно, а по распоряжению. Как он снял с него рубашку, чтобы убедиться, что он действительно тонет. Как, стоя на берегу, держал его за руку, пока он боролся. Как смотрел в его глаза — и увидел, что мальчик понял. Увидел, что это не ошибка, не случайность. Это был выбор. Его выбор.

— Он смотрел на меня, — сказал Георгий, — и в его взгляде был страх. А потом — ужас. А потом — смирение. Он понял, что я не могу быть остановлен. Он даже не попробовал кричать. Просто... закрыл глаза. Как будто принял решение. Как будто знал, что это должно быть.

Артур стоял, как будто его вырезали из кожи и оставили на морозе. Он не мог двигаться. Не мог говорить. Он только смотрел — и видел, как в этих глазах, в этой улыбке, в этом спокойствии — нет ничего человеческого. Только абсолютная уверенность в себе.

— Ты думаешь, я боюсь? — продолжал Георгий. — Ты думаешь, ты можешь что-то сделать? У тебя нет доказательств. Никто не поверит. Ты — старик. Больной. Убитый. Я — законный наследник. Я — глава семьи. Я — тот, кто управляет. А ты — только тень.

И в этот миг Артур понял: он не может победить. Он не имеет права. Он не может даже начать. Никакой суд, никакая полиция, никакое признание — не изменят того, что Георгий уже стал тем, кем он был предназначен. Тем, кем он стал, чтобы выжить.

Он ушёл. Не с криком. Не с угрозами. Он ушёл — тихо, как тень. Сломленный. Раздавленный. С чувством, будто его самого убивают медленно, капля за каплей.

Но — не сдавался.

Даже когда он почувствовал первые признаки отравления. Даже когда вкус пищи стал металлическим, когда ноги отказывали, когда голова пульсировала, как будто внутри кто-то бил в барабан. Он не знал, как. Он не мог понять. Повар — старик, который готовил для него с детства, который держал его на руках, когда он был маленьким — не мог быть виноват. И всё же... что-то в еде было не так. В чае. В супе. В мясе. В каждом блюде — микроскопический, невидимый компонент, который не вызывает симптомов, но постепенно разрушает.

Он не знал, как именно Георгий это сделал. Может, добавил в масло, может, в специи, может, в воду — он не знал. Но он чувствовал. Он чувствовал, как сила уходит, как дыхание становится тяжёлым, как мышцы отказываются слушаться. Он лежал в кресле, держался за ручку, и думал: «Он хочет, чтобы я умер. Он хочет, чтобы я умер, не зная, как. Чтобы я ушёл в тьму, не имея возможности назвать его именем.»

Но он не сдавался.

Пока он мог дышать — он думал.
Пока он мог думать — он помнил.
Пока он помнил — он не сдавался.

И единственная вещь, что держала его на ногах, — это ненависть. Не к Георгию. Не к смерти.

А к победе.

Он не хотел, чтобы Георгий победил.

Он не хотел, чтобы этот убийца, этот монстр, этот наследник, получил то, что он не заслужил.

И поэтому он жил.
Несмотря на боль.
Несмотря на слабость.
Несмотря на то, что каждый день — это шаг к концу.

Он жил, потому что не хотел дарить ему победу.
Потому что даже умирая, он должен был сохранить одно — право на возмездие.

И пока в нём оставалась хоть капля силы — он не сдавался.

Он взглянул на вид, открывающийся из окна — на луг, поросший редким мхом, на кривые липы, стоявшие вдоль аллеи, на тёмные силуэты конюшен, что стояли вдали, как старые стражи, охраняющие тайны прошлого. Небо было полно звёзд — холодных, безучастных, как будто не знали, что происходит на земле. Он смотрел, но не видел. Он думал. Думал о том, что будет, если Георгий получит всё — особняк, конюшни, владения, деньги, власть. Если он станет хозяином этого мира, который некогда был его. Если он встанет на пороге, который Артур сам выстроил, и скажет: «Я здесь. Я — теперь всё».

И тогда — что станет с теми, кто остался?

Судьба Алёны.

Он вспомнил её — не как девочку, не как юную женщину, а как образ, застывший в памяти: высокая, хрупкая, с длинными волосами, падающими на плечи, как падает снег на землю. Она была красивой — не в обычном смысле, не в том, что рекламируют в журналах, а в том, что невозможно описать. Внутренняя красота, которая источала тихую, почти болезненную гармонию. Но и она пережила своё испытание. Двенадцать лет назад, когда она была ещё школьницей, случилось то, что перевернуло её жизнь. Отец, брат — все ушли. А она осталась одна. Нашла в себе силу — не физическую, а духовную. Стала сильной, не потому что хотела, а потому что вынуждена была.

И теперь — она снова в опасности.

Артур не знал, что Георгий запланировал. Но он знал, как люди такого типа думают. Как они действуют. Они не убивают ради убийства. Они убивают ради контроля. Ради демонстрации силы. Георгий не просто хотел уничтожить его — он хотел уничтожить всё, что означало для него семья, связь, прошлое. Он хотел, чтобы каждый, кто связан с ним, понял: ты — ничто. Ты — мой.

И если он одержит верх, если он станет хозяином, он не просто отберёт у Алёны особняк. Он не просто посадит её в тюрьму. Он разрушит её изнутри. Он заставит её чувствовать, что она не может быть собой. Что её красота — это оружие. Что её хрупкость — это слабость. Он использует её. Потому что он знает: она — единственное, что осталось. Последняя нить, которая может привязать его к прежнему миру.

Может быть, он позволит ей жить. Может быть, он даже подарит ей что-то — квартиру, машину, приглашения на вечеринки. Но это будет не милость. Это будет пытка. Он будет держать её в постоянном напряжении, заставляя выбирать: быть его — или стать объектом унижения. Он будет использовать её, как символ власти. Как доказательство, что он победил.

А если она откажется?
Если она не согласится?

Тогда — всё. Конец.

Он представил, как она лежит в постели, как её глаза — пустые, как у тех, кто уже не верит в свет. Как она смотрит в потолок, слышит шаги за дверью, и знает: он пришёл.

И в этот момент его охватила дрожь — не от холода, не от страха. От боли. От того, что он не может защитить её. Что он — старый, больной, сломленный — не может ничего сделать.

Но он не думал об этом долго.

Потому что кто-то постучал.

Тихо. Вежливо. Как будто не было ничего важного.

— Прошу прощения, господин Симонов.

В комнату вошёл дворецкий Алексей. Волосы — аккуратно зачёсаны, одежда — идеально выглажена, как всегда. Он не спал. Он не отдыхал. Он стоял в дверях, как тень, как сторож, как тот, кто знает, что время пришло.

— Явился господин из магистратуры. Желает поговорить с вами по неотложному делу.

Слова — необычные. Неотложное дело. Не в обычные часы. Не по делу. Не по бумагам.

Артур почувствовал, как кровь отхлынула от лица.

— Бог ты мой! Алёна!

Он еле устоял на ногах. Руки впились в камень подоконника, пальцы побелели. Он не мог дышать. Не мог думать. Только одно имя — одно имя, которое теперь звучало не как зов, а как приговор: Алёна.

Она была в беде.

Не просто в беде. В опасности.

И в этот момент он понял: если она позвала магистратуру — значит, она уже не может ждать. Значит, она решилась. Значит, она пошла против него. Против Георгия.

Он не знал, что она сделала. Не знал, что сказала. Не знал, что ей ответили.

Но он знал одно:
если магистратура приехала — значит, Георгий уже действует.

И он должен быть готов.

— Пригласи его ко мне, — прохрипел Артур, — немедленно.

Голос дрогнул. Но не сломался.

Он знал, что это — не просто разговор. Это — битва.

Первая.

И он должен был быть на ногах. Даже если ноги не держат. Даже если дыхание — как последний вдох.

Потому что Алёна — его дочь.

А он — её отец.

И он не сдастся.

Григорий Арсеньев вошёл в кабинет своей обычной решительной походкой — твёрдой, будто каждое его движение было заранее рассчитано, как шаг в игре, где каждый жест имеет значение. Он не спеша, но с точностью, как будто проверял, насколько кабинет соответствует

его ожиданиям, остановился посередине комнаты, слегка поклонился — не из вежливости, а как сигнал: я здесь. Я не прошу разрешения. Я пришёл по своему праву. Его лысина, блестящая в приглушённом свете настенных бра, отражала свет, словно маленькое солнце в тени. Каждая черта его лица — жёсткая, выверенная, как будто он вырезал себя из камня, не давая себе ни одной случайной морщинки. Он не улыбался. Он не выражал ни радости, ни сожаления. Он просто был.

— Добрый вечер, господин Симонов.

Голос — низкий, ровный, как струна, натянутая до предела. Не обращался к нему как к отцу. Не как к начальнику. Ни к одному из тех, кто когда-то звал его «дядя». Он говорил с ним — как с равным. Или выше. Как с тем, кто уже не имеет права командовать.

Артур, ещё не совсем оправившийся от шока, медленно двинулся к креслу. Каждое движение давалось с трудом, будто тело уже не слушалось, как будто оно знало — это конец. Он опустился в мягкие подушки, но не сел. Он провалился. Как будто кресло было не местом отдыха, а ямой, в которую он падал.

— Арсеньев, — прохрипел он, — говори уже. Что случилось? Что с Алёной?

Звук его голоса был хриплым, как будто его лёгкие давно перестали быть органами дыхания — они стали памятником боли.

Григорий глубоко вздохнул — не из страха, не из волнения. Из необходимости. Как будто он собирался с силами, чтобы произнести то, что не могло быть сказано иначе. Потом — медленно, без спешки — ответил:

— Значит, вы уже слышали.

— Я ничего не слышал, — отрезал Артур, голос дрожал, но сила в нём оставалась. — Но моя дочь не вернулась с благотворительной поездки. И предо мной стоит представитель магистратуры. Скажи мне — что с ней? Скажи, что всё в порядке. Пожалуйста...

Он не молил. Он просил. Но это было не прошение — это было последнее, что осталось у него в душе: просто скажи, что она жива. Просто скажи, что она ещё здесь.

— Да, с ней всё в порядке, — уверенно произнёс Григорий. — Но несчастье едва не случилось. Очень близко.

Артур вцепился в подлокотники, пальцы впились в кожу, как будто хотел удержать себя от падения. Сердце билось — не от страха, а от надежды, которую он не хотел допускать.

— Расскажи мне всё, — прошептал он. — Всё. Сейчас.

— На такси, на котором ехала Алёна, напали бандиты, — начал Григорий. — Водителя ранили — ножом. Ударили в живот. Он потерял сознание. Машина съехала с дороги, застряла в канаве. Бандиты хотели украсть. И, скорее всего, убить.

Артур закрыл глаза. Он не видел, как Григорий продолжал:

— Но Алёна не сдалась. Она начала кричать. Звонила в полицию. Вызвала помощь. И в этот момент — на мотоцикле, в двух километрах от места происшествия, проезжал ваш зять — Артём. Он возвращался с работы. Услышал крики, остановился. Увидел, что машина в канаве, а из неё вылезают люди с ножами.

— Он не мог не подумать, что это его работа, — добавил Григорий. — Он не думал. Он бросился. Снял шлем, врезался в группу — один на трёх. Один из них был с пистолетом. Артём вышиб у него оружие. Забил их. Всех. Пока они не потеряли сознание.

— А Алёна? — прошептал Артур. — Она... она не пострадала?

— Она не пострадала. Бандиты не коснулись её. Она была в кабине, сидела на месте, держала руки на груди, как будто молилась. И, когда Артём ворвался, она сказала только одно: «Пожалуйста, не убивайте их. Я хочу, чтобы они жили».

Артур резко поднял голову. Его глаза, ранее бледные, вдруг вспыхнули. Он не верил. Он не мог понять.

— Она... сказала это?

— Да, — кивнул Григорий. — Она не хотела, чтобы кто-то умер. Даже те, кто хотел её убить. Она сказала: «Я не хочу крови. Я хочу, чтобы они жили. Пусть платят за свои действия. Но не умирают».

На мгновение в комнате повисла тишина. Только шум дыхания Артура, рваного, как будто он впервые в жизни вдохнул полной грудью.

— Слава Богу... — выдохнул он. — Слава Богу...

Он закрыл лицо руками. Пальцы дрожали. Он не плакал. Он не мог. Он просто стоял — как будто держался на краю пропасти, и только сейчас понял: он не упал.

— Скажи-ка ещё раз, Григорий, — прошептал он, подняв голову, — кому я обязан жизнью дочери?

Григорий посмотрел на него. Смотрел долго. Старательно. Как будто хотел запомнить это лицо. Потом — медленно, с такой тяжестью, что каждый слог был как удар — произнёс:

— Вашему зятю.

— Ага, — прошептал Артур. — Артём.

Он закрыл глаза.

И в этот момент, в тишине, где пахло пылью, старой кожей и страхом, он почувствовал — не облегчение. Не радость.

А — понимание.

Что он не просто потерял сына.
Что он не просто проиграл.

Что Георгий — не только убийца.
Что он — мастер.

И он уже давно начал свою игру.

А Алёна...
Она — не просто дочь.
Она — ключ.

И, может быть, он уже не знал, кого он спас.
Может быть, он спасал не её.
А себя.

— Вашему зятю, Артёму Королёву, — уточнил Григорий, не спеша, будто каждое слово было тщательно взвешено. — Он убил одного из бандитов — выстрел в голову, с расстояния четырёх метров. Никакого колебания. Стрелял, когда тот бросился на Алёну. Второго захватил живьём — схватил за шею, бросил на землю, приставил нож к горлу. Он не стал ждать полицию. Он действовал. И действовал — правильно.

Королёв привёз Алёну и водителя в дом доктора Артюхова, где тот уже ждал — его медицинская команда была готова. Водитель — в состоянии шока, но жив. Алёна — с обмороженными руками, с разбитым лицом, но — жива. Улыбалась. Когда доктор сказал: «Вы в безопасности», она ответила: «Спасибо, но я хочу увидеть отца».

— А где же моя дочь сейчас? — спросил Артур, голос дрожал, но в нём уже не было паники. Только усталость. Только потребность знать — она здесь.

— Машина подъедет через несколько минут к вашему дому, — ответил Григорий. — Я посчитал, что будет лучше, если я явлюсь к вам первым и сообщу о том, что случилось.

Артур кивнул. Не сказал «спасибо». Не сказал «благодарю». Он просто кивнул — как человек, который уже не может выразить благодарность. Он уже не знает, что делать с этим чувством.

— Ты поступил абсолютно верно, — прошептал он.

И в этот момент — впервые за много месяцев — он почувствовал, как что-то внутри него, давно замёрзшее, слабо зашевелилось. Надежду. Не на победу. Не на возвращение власти. А на то, что, может быть, не всё потеряно.

Он сделал знак слуге — тому, кто стоял в тени, как тень, — и тот, не моргнув, подошёл, поддержал Артура под локоть.

— Пойдёмте, — сказал он. — Мы встретим их у входа.

Шаги по плиткам, хруст снега под ногами, тишина, нарушаемая только шумом двигателя вдалеке. Артур шёл медленно, но твёрдо. Он чувствовал, как каждое движение — усилие. Но он шёл. Он должен был быть там.

И в этот миг, в сознании, где уже не было места для сомнений, он вспомнил — когда он решил.

Решение, которое казалось безумием: выдать свою дочь за Артёма.

Когда-то он думал, что это — жертва. Что он жертвует её счастьем ради выгоды, ради связи, ради политики. Но теперь — он понял. Он не ошибся.

Он не выбрал человека, который умел улыбаться на фотосессиях. Не выбрал того, кто мог бы ходить в галстук, разглагольствовать о бизнесе. Он выбрал того, кто, когда увидел, что девушка в опасности, не стал думать о последствиях. Кто не стал ждать приказа. Кто пошёл.

Артём — не герой из кино. Он не носил доспехов, не пел песни перед битвой. Он — тот, кто в течение многих лет жил в деревне, в доме, где дверь открывалась без замка, где дети, оставшиеся без отцов, приходили к нему, а он — не спрашивал, кто они такие, — просто давал еду, тепло, крышу. Он не любил людей. Но он — понимал их.

И вот — он едет. В машине, сидит рядом с Алёной. На заднем сиденье — раненый водитель, с повязкой на голове. А впереди — свет, тень, шаги, голоса.

И Артём — он не смотрит на свет. Он сидит, как будто всё это — обычная дорога, обычный вечер. Но в его глазах — не спокойствие. А напряжение. Как у охотника, который знает, что за каждым поворотом — возможная смерть.

Он не думает о наградах. Не думает о деньгах. Не думает, что его будут хвалить.

Но — он чувствует. Он чувствует, как с каждой минутой, как с каждым километром, он приближается к тому, что не может быть утрачено. К тому, что он защитил.

И в этом — его сила.

Артур смотрит на него. И впервые за годы — он видит не просто зятя.

Он видит — надежду.

Но в этот же момент, в глубине души, где сидит старый, избитый, но не сломленный человек, он думает: «Он не делает этого ради признания. Он не стремится к славе. Он не хочет быть героем.»

А это — самое опасное.

Потому что если человек не нуждается в похвале, не нуждается в внимании, не жаждет признания — значит, он может быть непредсказуемым.

А Артём — он не просто спас Алёну.

Он — тот, кто может быть опасен.

Не для других.

А для Георгия.

И для Артура.

Потому что он — не тот, кто хочет быть любимым.

Он — тот, кто умеет выживать.

И, может быть, именно это — самое большое преимущество.

Когда машина остановилась, когда дверь открылась, когда Алёна вышла — бледная, дрожащая, но живая — Артур не обнял её сразу.

Он смотрел на Артёма.

И в его глазах — не благодарность.

А страх.

Не перед ним.

А перед тем, что он может оказаться — сильнее, чем надо.

Он стиснул зубы, ощутив, как мышцы челюсти сжались до боли — будто он пытался удержать нечто большее, чем просто физическую боль. Перед ним, на фоне светящихся окон особняка, стояла группа людей: Симонов — в пальто, с лицом, вырезанным из камня; Арсеньев — с непроницаемым выражением, как будто только что выслушал приговор; швейцары — вытянулись по стойке смирно, будто ожидали сигнала; горничные — в тени, с подносами, как будто готовились к празднику, который никогда не состоялся. Дворецкий — Алексей — стоял чуть впереди, в позе официального приветствия, но в его взгляде — тень тревоги.

Чёрт побери, почему он не сбежал?

Был шанс. Был миг. Когда машина остановилась у калитки, когда он мог просто отпустить руль, нажать на педаль и уехать — не оглядываясь, не объясняя. Уехать в ту деревню, где ветер шуршит в сенах, где лошади не спрашивают, кто ты и зачем пришёл. Где ты — просто человек, который ухаживает за животными, чьи глаза не врут, чьи слова — не ложь.

Но он не ушёл.

Потому что она попросила.

Не громко. Не с нажимом. Просто — «Пожалуйста, не оставляй меня одну».

И в этом — была сила. Не в словах. Не в жестах. В тишине, с которой она сказала это. В том, как она смотрела на него — не с мольбой, не с надеждой, а с той странной, почти безумной уверенностью, что он — тот единственный, кто может быть рядом.

Она не просила защиты. Она не просила любви. Она просто сказала: «Я хочу, чтобы ты был рядом».

И это — больше, чем любой приказ, чем любая угроза.

Он не мог отказать.

Даже если бы мог — он не стал бы.

Потому что, если бы он отказал, он бы не смог жить дальше. Он бы не смог смотреть в глаза лошадям, не мог бы слышать, как они дышат, не мог бы — не дышать сам.

Он спрыгнул с мотоцикла, когда машина остановилась. Шаги по мёрзлой земле. Хруст. Тишина.

И в этот момент — всё.

Он понял: это конец. Не физический. А — внутренний. Он больше не может быть тем, кем был. Он больше не может притворяться, что не нуждается в людях.

Он — здесь.

И в этот же миг — она появилась.

Алёна.

Она вышла из машины, и в первый момент — не с паникой, не с улыбкой, не с благодарностью. С той тишиной, с которой выходят из сна. Словно проснулась, но не помнила, где находится.

Её платье — длинное, чёрное, с рюшами, одолженное у госпожи Артюховой — зацепилось за край дверцы. Она попыталась выйти, но ткань застряла.

И тут — Артём.

Он не подумал. Не оценил. Он просто шагнул вперёд.

Его рука — крупная, с шрамами на ладонях, с натянутыми сухожилиями — протянулась.

Она посмотрела на него.

Её глаза — огромные, тёмные, как глубокие воды. В них — не страх. Не благодарность. А что-то странное. Невыразимое. Будто она видела его — не как человека, а как дом. Как место, где можно остановиться.

Она прошептала: «Спасибо тебе».

И вложила руку в его.

Тонкие пальцы. Холодные. Дрожащие.
Но — она держала.

Дольше, чем нужно.

И в этот момент — сердце Артёма — не просто забилося. Оно замерло. Потом — ударило, как будто пыталось догнать то, что уже произошло.

Он не знал, что чувствует.

Он только знал — он не хочет отпускать.

Через секунду — рука другой женщины — госпожи Артюховой — легла на его предплечье.

— Ну что ж, молодой человек, — сказала она, — вы уже не можете уйти. Вам ведь не отказать от такой дамы, как моя пациентка?

Он не ответил.

Но он понял: он — уже не свободен.

А наблюдая за всей этой сценой — за тем, как Алёна, дрожа, смотрит на него, как будто говорит: «Я знаю, что ты не должен был приходить. Но ты пришёл. И это — важно» — Артур Симонов стоял на пороге, и впервые за семь лет, с тех пор как его сын ушёл в пруд, он почувствовал — боль.

Не от боли.

От счастья.

Слишком сильного. Слишком настоящего.

Он не мог поверить.

Он не мог вымолвить ни слова.

Но он видел:

Алёна — не отшатнулась.

Она — не отвернулась.

Она — осталась.

И в этом — была победа.

Не его.

А её.

И, может быть, — его.

Потому что, когда человек перестаёт бояться, он начинает жить.

А Артём — он уже жил.

Даже если не знал об этом.

Он заметил — не взгляд, не жест, не слово. Он увидел всё.

Выражение лица Алёны, когда она подняла глаза, — не было тем, что он знал. Это была не та хрупкая, отстранённая улыбка, с которой она привыкла смотреть на мир. Нет. Это была улыбка, рожденная не страхом, не болью, не смирением. Это была улыбка — жизни. Тихая, осторожная, но настоящая. В ней — была надежда. Была безопасность. Была — любовь.

И она смотрела на Артёма.

На него. На того, кто не смотрел на неё снизу вверх, не с презрением, не с жалостью. Он смотрел — как будто видел её. Не только тело, не только внешность. Он видел — душу.

Артур замер.

Он понял: она не смотрит на него, как на героя. Она смотрит — как на того, кто остался. Кто не ушёл. Кто не бежал. Кто — пришёл.

И он — Артём — не выглядел как герой. Он не был в костюме, не носил пистолета, не кричал. Он стоял, как всегда — в простой куртке, с руками в карманах, с лицом, которое не улыбалось, но — не было пустым.

Он скрывал. Скрывал.

То, что было внутри.

Страхи. Надежды. Любовь, которую он не знал, как назвать.

Но Артур видел.

Он видел — как дрожала его рука, когда он протянул руку Алёне.

Он видел — как он сдержал дыхание, когда она вложила пальцы в его ладонь.

Он видел — как он сжал кулак, когда она сказала «спасибо», — не от радости, а от того, что почувствовал.

И в этот момент — как будто что-то внутри него — сломалось.

Не разрушилось.

А — потекло.

Как река, которая наконец-то нашла свой путь.

И вдруг — всё стало ясно.

Не решения. Не планов. Не стратегий.

Просто — понимание.

Он не должен был бороться.

Он не должен был мстить.

Он не должен был ждать, пока Георгий придет — с оружием, с улыбкой, с письмом, подписанным от имени суда.

Потому что — это уже не его борьба.

Это — борьба их.

Его дочери.

Его зятя.

Того, кто не боится, кто не ждёт, кто — действует.

И в этот момент, когда Алёна, дрожа, смотрела на Артёма, а он — на неё — с таким тихим, почти невидимым выражением — будто говорил: «Я здесь. Я не уйду» — Артур Симоннов почувствовал:

Он не нуждается в победе.

Он нуждается в надежде.

И она — здесь.

В этих глазах.

В этой тишине.

В этом мгновении, когда машина остановилась, когда дверь открылась, когда она сказала «спасибо» — он улыбнулся.

Не из вежливости. Не из притворства.

С искренней, глубокой теплотой.

Такой, какой не испытывал с тех пор, как его сын ушёл в пруд.

Он улыбнулся — потому что понял:

Он не проиграл.

Он — выиграл.

И не потому что силы, деньги, власть.

А потому что — она жива.

И — они вместе.

И, может быть, — это уже всё, что нужно.

12

Когда на следующее утро взошло солнце — тихое, золотистое, будто проросшее сквозь мутные облака, — Артём уже стоял по щиколотку в глинистой грязи, которая, казалось, никогда не высыхала здесь, где когда-то пастухи водили овец по извилистым тропинкам. Его ноги, покрытые коростой потёртостей и слабыми порезами от шнуровок, медленно проваливались в липкую массу, напоминающую жижу после весеннего половодья. На теле — тонкая серая пелена пыли, смешанной с перегноем и мочевыми отходами лошадей, — всё это создавало образ мира, который давно забыл о порядке.

Одетый в выцветшую до белого цвета хлопчатобумажную рубаху, которую когда-то дал ему командир во время зимовки под Казанью, и старые, просевшие по фигуре брюки — те самые, что достались от отца, — Артём, как и положено бывшему офицеру, возглавлял работу в конюшне. Рядом с ним — Сергей, бывший ефрейтор, теперь — главный помощник по уборке, с лицом, исчерканным морщинками усталости, и глазами, полными той самой немигающей решимости, что осталась после боевых действий в Сибири; рядом — Марк, бывший фельдфебель, которого однажды спасли от судьбы повесить за побег, да так и не вернули в строй, — теперь он, как никто, ценил каждый день, проведённый в мире, свободном от криков, крови и железных распоряжений.

Вместе они вычищали стойла — сначала сгребали навоз в кучу, потом мыли деревянные полосы горячей водой из вёдер, которые поднимали по двое через колодцы, иногда — даже с ледяной водой, если удавалось сохранить последний кусочек льда. Потом — разводили сено, проверяли овес на наличие плесени, подбирая каждое зерно рукой, как старинные землевладельцы. Все движения были размеренными, почти механистическими — как будто мир вокруг замер, ожидая, пока кто-нибудь нарушил бы эту ритмичную череду дел.

День начался точно так же, как все остальные: светло, тихо, с запахом свежего сена и жёлудей, падающих с высоких дубов. Было похоже, что ничто не изменилось. Что прошедшая ночь — та, что оборвалась среди ночи, когда грохот грозы слился с криками, — стала лишь продолжением обычной жизни, как будто события тех часов просто растворились в сумраке.

Но это было неверно.

Прошлая ночь была полна перемен. Она была испещрена эмоциями, которые невозможно было заглушить ни холодом, ни трудом. Аромат духов Алёны — «Полярная звезда» — всё ещё витал в воздухе, особенно в тех местах, где он дышал глубже, — в уголках одежды, в складках штанов, в волосах, собранных в аккуратный пучёк на затылке. Это был тот самый аромат — мягкий, чуть терпкий, с оттенком чего-то древнего, будто она принесла его с собой из другого времени, из дворца, где жила, — из того самого дома, где раньше никого не было, кроме теней и вечного дождя.

Его рука, случайно коснувшаяся стола в углу, внезапно снова ощутила тепло её ладони — той самой, что легла на его предплечье, когда он собирался сказать что-то важное, но слова застревали в горле, как песок. Он помнил, как она смотрела на него взглядом, полным доверия и страха — такого странного сочетания, которое бывает только тогда, когда человек впервые видит себя в глазах другого, и понимает, что может быть любим.

Алёнин отец — сухой, сгорбленный мужчина с глазами, будто прожигавшими душу, — произнёс слова благодарности, которых Артём никогда не ожидал услышать. Он сказал их с такой интонацией, будто передал нечто большее, чем просто слова: «Благодарю тебя... Ты сделал для моей дочери больше, чем кто-либо. И, возможно, спас её...» — и голос его осекся, будто он хотел добавить что-то большее, но не смог.

Госпожа Артюхова, женщина лет пятидесяти с бледной кожей и взглядом, способным разглядеть даже мельчайшую измену в поведении, сразу же взяла на себя роль дуэньи — той самой, что должна беречь молодую особу от опасностей, связанных с общественным мнением. Она заметила, как Артём задержался у порога, как его взгляд скользил по фигуре Алёны, как она, чуть улыбнувшись, отвернулась. И в этот момент она шагнула вперёд — не грубовато, не насильно, а с таким достоинством, будто была вправе решать, кто имеет право быть рядом с её воспитанницей.

— Простите, ваше благородие, — сказала она, словно обращаясь к высшей власти, — но мне необходимо отвести девушку домой. У неё сегодня встреча с врачом, а у меня — запись в учётной книжке...

И она легко, но уверенно увела Алёну прочь, как будто боялась, что, если задержится хоть секунду — Артём успеет что-то сделать. Не то чтобы он хотел причинить зло, нет. Но она, честно говоря, была не права в своём страхе — ведь он мог бы только посмотреть, мог бы взять за руку, мог бы сказать: «Я не хочу тебя терять». Но он не сделал этого — потому что знал: в этом мире любовь, которая не признаёт границ, часто становится приговором.

Тем не менее, чувство, которое родилось между ними — нечто большее, чем просто интерес, больше, чем жажда — было настоящим. И хотя она ушла, оставив за спиной лишь лёгкий след духов и тень надежды, Артём знал: эта ночь, как и вся её история, не закончилась. Она только начиналась.

Он знал, какая у него репутация. Не просто плохая — скорее, живая, масштабная, будто оставленная на века. Слава, приобретённая в те самые годы, когда он был знаменитым в свете своим безумием, дерзостью и способностью вызывать у всех вокруг оцепенение — от шуток до скандальных поступков, — всё ещё преследовала его, даже спустя десятилетия. Говорят, что правда не стареет, а в его случае — даже усиливается. Люди, встречая его в городской гавани, на рынках или в кофейне у станции, сначала молча смотрели, а потом — сдвигали взгляд, будто проверяя, не повторится ли что-то из того, что происходило в прошлом.

Они говорили не только о том, что он якобы устраивал пирушки на крыше дома, где гостям предлагали вино, налитое прямо из бочки, или что однажды — в один из вечеров перед отъездом в армию — он вышел на балкон с ружьём, чтобы выстрелить в месяц, смеясь, как ребёнок, — нет, рассказывали и о другом. О том, что он якобы находил себе женщин, которых потом возвращал обратно — не ради денег, не ради удовольствия, а ради какой-то внутренней потребности, будто возвращал не просто людей, а часть себя.

Особенно много говорили об Инне. Об этой женщине, которой он, по слухам, завладел в одночасье — не силой, а чем-то большим: властью, очарованием, способностью заставить человека поверить, что он — единственный. Но затем, когда дело дошло до границы, она исчезла. Никто не знал, куда она уехала. Ни одна бумага не подтверждала, что она вообще существовала. Только слухи — о долгом заточении на одном из континентальных островов, где, по версии местных рыбаков, некий иностранец с русским акцентом держал "неведомую" женщину

в полуразрушенной башне, окруженной болотами и птичьими криками. Эти истории быстро распространились — от Москвы до Владивостока, от Краснодара до Ярославля. Из них, как из отдельных страниц, уже складывался роман — длинный, мрачный, полный метафор, в котором Артём стал героем, способным как спасти, так и погубить.

Люди, узнавая его, теперь не торопились с улыбкой. Они смотрели иначе — с опаской, с желанием вспомнить, не было ли в его глазах того самого выражения, что было перед тем, как Исчезновение стало фактом.

Именно поэтому он не мог не заметить, как настойчиво госпожа Артюхова опекала Алёну. Как будто закрывала её от всего — от мира, от возможностей, от самого себя. Каждый жест, каждое движение, каждая пауза — всё было продумано: она не позволяла им оказаться вместе в одной комнате, несмотря на то, что они могли бы просто поговорить о погоде, о книгах, о музыке. Она словно заранее знала, что происходит, когда два таких сильных характера оказываются рядом.

Артём, в отличие от многих, понимал: он не из тех мужчин, с которыми можно оставлять невинную девушку. Особенно ту, что живёт в его голове, как образ, который нельзя выбросить. Он не знал, любит ли он её — но он знал, что хочет знать. Хочет знать, будет ли она смеяться, как в тот вечер, когда он подарил ей старую записную книжку с надписью: *«Не знаю, что будет дальше — но я не хочу, чтобы ты была одна»*.

Чем больше расстояние, разделяющее их — пространственное, временное, социальное — тем лучше. Ведь если бы они оказались рядом, кто знает, что бы произошло? Может быть, он снова совершил бы что-то безумное. Может быть, снова выбрал бы путь, который ведёт не к порядку, а к хаосу.

Именно поэтому, когда Алёна, сдерживая дыхание, исчезла в дальних комнатах — за дверью, украшенной фресками с изображением античных богов, — Артём почувствовал облегчение. Он не знал, будет ли это длительным, но он знал — сейчас он не должен был становиться причиной её беды.

А когда господин Артур — высокий, с тонкими губами и взглядом, будто вырезанным из камня — выразил ему благодарность — не просто кивнул, а произнёс слова, от которых у Артёма перехватило дух: "Вы не просто помогли моей дочери..." — он понял: это конец. Конец формальностей, конец оиданий, конец того, что называется — светскими церемониями.

Он откланялся — тихо, сдержанно, почти незаметно, как будто ушёл из комнаты, где осталась память о том, что могло бы быть. И в первый раз за многие месяцы — почувствовал, как внутри, где-то за плотью и костями, — пробудился страх. Не перед кем-то, не перед чем-то — а перед собой. Перед тем, кто, возможно, уже слишком долго жил не жизнью, а легендой.

Он не относился к тем людям, которые мечтали о рукопожатии представителя криминальной знати — того самого, кто мог бы выдать им власть, деньги или даже имя, если повежёт. Не стремился к глянцевым вечеринкам, где щёлкали бокалами из хрусталя, а за спиной слышались шепотки о том, кто чем владеет. Никаких фантазий о женитьбе на красивой дочери мафиози, ни одного взгляда на горизонт, где мерещились дворцы, замки да корабли, напичканные драгоценными камнями. Его мир был другим: простым, настоящим, глубоко укоренённым в земле, в запахах, в движениях, в тишине, когда время казалось, будто остановилось.

Артём медленно прошёл по длинному крытому переходу между корпусами конюшен, распахнув массивные деревянные двери, украшенные старыми железными скобами, покры-

тыми ржавчиной. За ними — полутёмная, уютная тишина, разбавляемая мерным дыханием животных и мягким поскрипыванием половиц под ногами. Солнце, пробравшееся сквозь высокие окна с потрескавшимися стеклами, резко рассекало воздух, бросая золотистые полосы на стену, испачканную пятнами грязи, высохшими каплями крови и следами копыт. Запах здесь был многогранен: тягучий, почти живой — смесь навоза, прогретшейся кожи, лошадиного пота, сухого сена, которое ещё недавно было зелёным, и древесины, просмоленной годами. Это был запах жизни, которая не требовала слов. Каждый вдох — как письмо родной земле, каждый выдох — ответ её сердца.

Он остановился перед одной из конторок, где на столе лежали затупившиеся инструменты: кирка, кувалда, крюк для очистки копыт, парочка строгальных ножей, всё — с выцветшими ручками, обмотанными кожаными ремешками. Рядом — тетрадь с записями: количество корма, состояние здоровья каждой лошади, расходы на ремонт. Он не просто видел это — он чувствовал. Как будто каждый предмет был частью его собственного тела.

В этот момент из дальнего угла послышался голос — низкий, глубокий, как сама ночь, — и внезапно раздался звук, который невозможно было спутать: хриплый, радостный, почти человеческий рык — заржание. Конь вышел из своей конуры, шагая уверенно, как будто знал, куда идёт. Чёрный жеребец, весь в блестящей черноте, будто вырезанный из ночи, сошёл с порога, опираясь на мощные копыта, и заглянул прямо в глаза Артёму. Голова была высоко поднята, уши — торчком, взгляд — холодный, но не враждебный, скорее... с пониманием. Он протянул морду, будто хотел коснуться, проверить — жив ли человек, которого давно знает.

— Потихе, Демон, — произнёс Артём, чуть улыбнувшись, и мягко, почти ласково, коснулся ноздрей коня. Бархатистый, тёплый нос коснулся его ладони. — Ты всегда так настойчив, как будто мне нужно напоминать, что ты — мой.

Конь снова ткнулся в руку, и Артём, уже не сдерживаясь, провёл ладонью по шее, по шелковистой шее, где волосы были плотнее, чем у любого другого коня в округе. Пальцы чувствовали тугую мышцу, биение крови, тепло, исходящее от живого существа, которому доверял он, как своему брату. Демон был не просто лошадью. Он был символом чего-то большего — верности, свободы, преданности, которой не купить ни за какие деньги.

13

Демон был единственным обитателем конюшен, кому Артём дал своё имя. Ни один другой конь не получил такого права. У него не было документа, подтверждающего право собственности — только договор, подписанный у местного старосты, и воспоминания о том, как однажды, зимой, когда снег валял метелью, Артём нашёл этого жеребца, еле живого, в болоте, с перебитыми копытами и кровью на губах. Он вылечил его месяцами, давал травы, сидел рядом ночами, пока тот не начал снова дышать. Когда конь встал — первый раз после месяцев — Артём назвал его «Демон» не потому что хотел быть дерзким, а потому что именно так он его тогда увидел: тёмным, опасным, но невероятно сильным. Имя прижилось.

Этот жеребец стоил ему почти треть всего, что досталось от отца — скромного пастуха, погибшего во время пожара в лесу. На покупку ушло всё, что оставалось после оплаты долгов, застройки дома, ремонта забора. Но Артём не жалел. Ведь Демон был не вещью — он был семьёй. А те другие лошади? Они приходили — временные, как сны. Лошади, которых он обучал, приводил в порядок, учил ходить ровно, держать ухо вверх, не бояться грома. Каждая из них — с разной судьбой, с разными историями. Одна — из дворцового гарнизона, разбежавшаяся после побега из караула; вторая — из армейского эскадрона, ослеплённая выстрелом. Все они — пришли к нему, как к последнему приюту. За их дрессировку платили — не много, но достаточно. Пятьдесят серебряников в год, плюс корм и место. Этого хватило, чтобы содержать поместье, платить двум бездомным солдатам — бывшим разведчикам, потерявших своих товарищей в бою, — и иногда позволить себе новую пряжу, кусочек масла, книгу, которую можно было прочитать вслух у камина.

Он знал, что люди говорят: «Ты слишком хороший для своего положения». Но он не считал себя лучше. Просто знал, что истинное богатство — не в деньгах, не в связях, не в том, чтобы быть узанным. Оно — в каждом движении, в каждом вздохе, в том, как твои руки знают форму шеи любимого коня, как ты можешь сказать: «Я знаю, что ты сегодня устал», и он — ответит тебе не словами, а тихим, тёплым дыханием, которое обнимает ладонь.

И вот он стоял там, среди запахов, света, тишины, — и чувствовал, что принадлежит этому миру целиком. Телом, душой, сознанием. Здесь — его дом. Здесь — его жизнь. Здесь — его свобода.

Его губы сжались в тонкую, почти бескровную линию — резкую, как удар кнута, — словно он решил ничего не объяснять, ничего не оправдывать, никому не рассказывать свою правду. Год назад, в самый разгар войны, когда по дорогам страны прокладывали новые маршруты для эшелонов, а поля боя покрывали трупы и разбитые машины, Артём, ещё молодой офицер с гвардейской честью и железной волей, заверил каждого своего солдата, что, как только война закончится, он найдёт им место под крылом своих конюшен. Он говорил это с такой уверенностью, что даже самые сомневающиеся начинали верить. Он обещал — не просто словами, а делом: лично позаботится о трудоустройстве, поможет получить должность помощника конюха, обучит работе с лошадьми, предоставит квартиру в поместье, если захочется остаться.

Потому что он действительно любил этих людей. Не как командира, не как начальника, а как брата. Он знал их имена, знал, кто из них потерял семью, кто остался с раной, кто страдал от кошмаров. Он умел слышать, что говорит молчание в глазах. И когда солдаты приходили к нему в конюшню после демобилизации — с тяжёлыми сумками, с печалью в голосе, с мечтой о

нормальной жизни — он сразу же принимал их. Даже тех, кого никто не хотел брать на работу, потому что были проблемы с психикой, с поведением. Он говорил: «У нас есть место. Мы не выбрасываем своих.»

И вот наступил 2021-й. Фашисты пали. Мир вернулся. Но вместо радости — тишина. Пустота. Городские власти отказывали в помощи, предприятия закрывались, а на рынке — ни единого заказа. Конюшни Королёвых, некогда знаменитые всей стране своими жеребцами, выведенными специально для армейских частей, теперь оказались в кризисе. Поместье, ранее процветавшее благодаря государственному контракту на поставку тренировочных лошадей, осталось без дохода. Арендаторы, арендовавшие участки под сено, уехали — не выдержали ценовых скачков. Даже продажа нескольких лошадей не помогла: рынок оказался перенасыщен, цены упали, а покупателей стало меньше.

Артём продолжал держаться. Он платил жалование двум солдатам — тем самым, кого принял на службу, — хоть и с трудом. Каждый рубль, каждый копейка уходила на корм, на ремонт, на починку забора, который рухнул весной от проливных дождей. Жизнь стала тесной, жесткой, как канат. Он вспоминал, как раньше у него было три десятка лошадей, четыре работника, два помощника, а теперь — один жеребец, два человека и одна надежда.

Но самое страшное — это то, что он уже не мог выполнить обещанное. Те солдаты, которых он брал на работу, — теперь уезжали. Один ушёл в Москву, второй — в Пермь, искать лучшей судьбы. А он остался один. Без клиентов. Без денег. Без возможности дать работу тем, кто нуждался в ней больше, чем кто-либо.

Он жил на пенсию тётушки, старой женщины, которая когда-то, когда он был ребёнком, берегла его после смерти родителей. Её наследство — небольшой капитал, вложенный в государственные облигации — стало единственным источником средств. Но и оно таяло, как лёд в апреле. Каждый месяц — очередной вычет. Каждая квитанция — новый укол в сердце.

И вот, глядя на свои руки, покрытые мозолями, на рваную сбрую, которую он сам чинил, на Демона, который, казалось, тоже чувствует тревогу, — Артём понял, что его мечта о возрождении поместья — это не реальность, а иллюзия. Он не может вернуть былое. Не может дать работу тем, кто в этом нуждается. Не может даже сохранить свой дом.

Его надежда — на то, что кто-нибудь, случайно, вновь обратит внимание на конюшни Королёвых, что-то изменится, что-то случится — стала призрачной. Она не была основана на фактах, она жила в памяти, в деталях, в запахе сена и в глазах тех, кто когда-то поверил в него. Теперь эта надежда — как дым, улетающий в небо, не достигнув земли.

И всё же — он продолжал жить. Пока дышал, пока думал, пока чувствовал тепло своего жеребца — он был жив. И, возможно, в этом и состояла его настоящая победа.

На протяжении нескольких десятков лет Королёвы были известны по всей России как великие коннозаводчики, чьи имена входили в историю отечественного коневодства. Их жеребцы — стройные, сильные, с железной волей и удивительным характером — становились эталоном силы, красоты и выносливости. Их лошадей выбирали для гвардейских эскадронов, для конных парадов, для гонок, где победа зависела не только от мастерства, но и от качества самого животного. Ценнейшие особи, выращенные на их усадьбе, выходили на международные выставки, их селекционные достижения изучали в академиях, а сами конюшни Королёвых считались настоящей школой, где рождались не просто лошади — а герои.

Так было, пока Артём не вернулся с фронта. Пришёл он не с наградами, не с победой, а с болью в позвоночнике, с тенью в глазах и с тяжестью на сердце. Первым делом он отправился в конюшни — к тому самому крылу, что когда-то было сердцем его семьи. И только там, в тишине, среди пыльных полок, старых сбруй и полуразвалившихся стойл, он услышал правду, которая перевернула его мир.

Его отец — бывший хозяин усадьбы — и младший брат, которого он считал добрым, но слабым, продали всех ценных жеребцов. Не ради бизнеса, не ради инвестиций — нет. Просто чтобы заплатить долги, которые накопились за годы беспечального прожигания. Они играли в карты, пили водку, тратили деньги на праздники, которые никогда не были настоящими праздниками. А потом — неудачный счёт, кредит, долг, и — чтобы его закрыть — пришлось распродать лучших лошадей. Каждую. По копейке. Даже Демона, которого Артём считал своим, — но ведь он ещё не знал, что жеребец был не продан, а оставлен, как "непрозрачная" часть, чтобы не привлекать внимания.

Слёзы не пришли. Только холод, как будто внутри что-то оборвалось. Он долго стоял у кормушки, глядя на то, как Демон, несмотря ни на что, пьёт воду, будто ничто не происходит. Будто сама природа не хочет терять своего героя.

Но Артём не сдавался. Он понимал: если не он — никто. Если не сейчас — никогда. Он не мог вернуть былых красавиц-коней, но мог попробовать создать новых. Главное — начать заново. Сохранить наследие. Вернуть славу.

Он знал, что для этого нужно одно: пара. Самец — Демон. Самка — идеальная, сильная, с тем же характером, что и у жеребца, с генетической чистотой, с теми же качествами, которые делают лошадь легендарной. Он должен был найти кобылу, способную родить сына, который станет таким же, как Демон. Но где её взять?

Мир изменился. Люди не могут позволить себе дорогостоящих животных. Даже те, кто мог бы — предпочитают машины, электронику, городскую жизнь. А значит — цена на хороших лошадей упала. Особенно если хозяин, не имея возможности управлять хозяйством, вынужден продавать за копейки.

И вот — он стоит у шеи Демона, прижав лоб к его тёплой, шелковистой коже. Его дыхание слилось с дыханием коня. Он чувствует, как бьётся его сердце, как бьётся его надежда.

— И я знаю, где её найти, — пробормотал он, словно шептал молитву. — Всё, что нам надо сделать — это убедить владельца продать её нам за копейки...

Голос его дрогнул, но был уверен. Он уже представлял: как кобыла приедет, как она будет жить в соседней стойле, как Демон подойдет к ней, как она закинет голову, как она — как он — вынесет всё, что приходит от жизни. Он уже видел будущее: первые месяцы — трудности, голод, страх. Но через год — первый жеребёнок. Через два — уже не просто жеребёнок, а жеребёнок, который умеет держать ухо вверх, который не боится грома, который — как Демон.

И тогда, как будто в ответ на его слова, в доме раздался тихий стук — кто-то постучал в дверь. Может, торговец. Может, бабка с соседнего двора. Или — кто-то, кто знает, где нахо-

дится та самая кобыла. Та, что не пошла в продажу, потому что её не хотят отдавать. Но кто-то может заинтересоваться — если цена будет копеечной.

— Готово, — громко произнёс Марк.

Артём оглянулся на Марка, который уже второй раз подряд аккуратно опустил в тележку горсть перемешанной соломы — смесь свежей и слегка перепревшей, как будто специально для тех, кто ценит мягкость и аромат старого сена. Каждое движение было продуманным, почти церемониальным, словно даже работа с сеном здесь была частью какой-то внутренней ритуалы, которой никто не объясняет, но все соблюдают.

— Я сам этим займусь, — сказал Артём, шагнув вперёд и схватившись за холодные, покрытые мазью ручки тележки. Его пальцы плотно легли на металлическую поверхность — так, будто он проверял её на прочность, прежде чем начинать движение. Потом, медленно, но уверенно, он приподнял тележку, пружины скрипнули в ответ — знак того, что нагрузка принята, а теперь — дело за движением.

— А потом я выведу Демона, и ты уберёшь в его стойле.

Голос был спокоен, но в нём чувствовалось железное самообладание — тот самый тон, которым человек говорит не просто «сделаю», а «сделаю, потому что должен». Марк, не глядя на друга, кивнул, продолжая тереть сено вилами — длинными, острыми, как клинки, они были забраны вправо, будто готовясь к бою. Он знал: если бы сейчас кто-то нарушил эту ритуальную геометрию — открытие, освещённая тенью стойла, потерявшая до блеска деревянная полоса пола — всё это могло бы стать провокацией.

— Уж лучше ты, чем я, — пробормотал Марк, почти шепотом, и бросил короткий, исподлобья взгляд в сторону чёрного жеребца. Тот стоял у глубокой, затянутой сеткой стойла, чуть приподняв голову, будто наблюдал за происходящим из своей искусственной тьмы. Свет, пробивавшийся через высокие окна, падал на его гриву, отражаясь тёмным золотом, и казалось, что каждый волосок — это отдельный штырь, направленный прямо в сердце.

— Он тебя не съест, Марк, — мягко сказал Артём, но с такой интонацией, словно предупреждал не столько о физической опасности, сколько об эмоциональном состоянии. — Это не зверь, это живое существо. Да и ты не первый, кто перед ним трясётся.

— Но он-то сам об этом знает?

Вопрос повис в воздухе, где клубился запах сена, масла для вил, и, может быть, чего-то большего — недоверия, страха, или, быть может, простого уважения к силе. Марк замер, словно пытался услышать ответ не из слов, а из тишины между ними. И вот — Артём:

— Чёрный дьявол любит две вещи: тебя... и свой овёс.

Он произнёс это не с насмешкой, а с лёгкой иронией, которая, тем не менее, была полна правды. Никаких лишних слов. Просто факт. Животное, которое годами держало себя в строгом порядке, не выходило из привычки — есть, отдыхать, смотреть. А когда приходит Артём — начинается что-то большее. Шаги, голос, даже то, как он открывает дверь — всё это стано-

вится сигналом. Один лишь вид его руки, протянутой к ошейнику, — и Демон уже поднимает голову, будто понимает: «Ты — мой».

Именно поэтому Марк не рискнул бы ни при каких условиях становиться на его дорогу. Не потому что боялся, а потому что знал — если попробует, то получит не просто удар копытом, а отстранённый, презрительный взгляд, который ничего не стоит — и который, возможно, задаст ему вечный вопрос: «Зачем мне это нужно?»

Марк, держа вилы наперевес, как защитника, вернулся к своему занятию. Лезвия, вычищенные после прошлого дня, снова взялись за работу — гребни вдавливались в сено, разбрасывая его равномерно, как будто создавали новый мир внутри конюшни. Но каждый раз, когда он поворачивался, взгляд его невольно устремлялся туда, куда ушёл Артём — к дверям, к свету, к тому месту, где появлялась фигура, которую никто не мог игнорировать.

Артём, хмыкнул — не сарказм, а скорее одобрение, как будто говорил себе: «Да, вот так и надо. По порядку. Без спешки. Как положено» — и повёз нагруженную тележку к дверям конюшни, раскачиваясь на колёсах, которые давно знали, что каждое их движение — это шаг к порядку. За спиной — тишину нарушала только музыка скрипа древесины, да тяжёлые дыхания, которые, кажется, принадлежали не людям, а самому времени, застывшему в углу этого помещения, где каждый день повторял один и тот же сценарий — пока кто-то не решится изменить его.

Солнце светило ему в лицо, прожигая тонкие облачка над горизонтом, будто желая выжечь каждый шрам на коже, каждый след усталости. Голова была свободна, плечи — напряжены, но не от боли, а от тяжести, которую он нес. Тележка, набитая сеном и соломой, еле двигалась по песчаному просёлку, колёса хрустели, как хрустят старые кости, и каждый шаг требовал усилий, но именно эти усилия, казалось, делали его сильнее, чем сама тяжесть. Воздух был чистым — свежим, как только что сбитое молоко, с лёгким запахом травы, прогретой на солнце, и далёким дымком от очагов, что ещё не успели разгореться в домах по соседству.

Ясное голубое небо, без единого облачка, будто вымытое водой, проникало во всё — в глаза, в мысли, в саму кровь. И хотя до цели ещё было далеко, слишком далеко, чтобы считать путь законченным, Артём ощутил странную радость — не от победы, а от самого движения. Оттого, что он ещё способен идти, что ноги не отказывают, что солнце всё ещё светит. Он не знал, почему это вызывает улыбку — может, потому что в мире, где каждый день заканчивается смертью, этот момент был чисто живым.

И тут — внезапно — донёсся цокот копыт.

Не тяжёлый, рваный звук, как у бродячих наёмников, не грохот солдатских сапог, не стук пустых подков. Нет. Это был мерный, размеренный ритм, точно выверенный — как удары часов, как дыхание, как пульс земли. Звуки, которые невозможно ошибиться. Копыта ударили по гравии — чётко, уверенно, будто говорили: «Я здесь, я знаю, куда иду, и я не боюсь».

Артём остановился. На полпути. Тележка, которую он еле тащил, вдруг показалась нелепо большой. Он поставил её на землю, оставив на песке глубокие следы, и прикрыл глаза рукой — не от боли, а от света. Так, чтобы не слепить, чтобы увидеть настоящего.

Слава небесам, это был не очередной солдат, не шайка бездомных, не бандит, не разбойник, не беглец. Ни один безработный вояка, не имеющий ни пенса, ни родства, ни чести, не

смог бы позволить себе такую лошадь. Эта — была не просто красивой. Она была... особенной. Черное, как ночь, но с отблесками, будто в её гриве заключено солнце, и она не просто двигалась — она плавала по дороге, как будто земля не хотела её держать. Её шерсть блестела, как масло, каплевидные капли воды, ещё не высохшие на коже, отражали солнце — и казалось, что она сама — источник света.

На спине — чёрно-золотая ливрея, вышитая золотыми нитями, с гербом: двуглавый орёл с горящими глазами, крылья расправлены, как будто собирается взлететь в небо. Под ним — три буквы: S.I.M. — Симонов. Дом, чье имя стало символом богатства, власти, тайн. Те, кто знал, молчали. Те, кто не знал, боялись.

Артём прищурился. Брови слегка вздрогнули. Он не сразу поверил своим глазам. Это был не обычный посланец. Не гонец с письмом, не торговец, не судья. Это был кто-то важный. Кто-то, кому нельзя было сказать "нет", даже если бы хотел.

— Ну-ну, — прошептал он, почти неслышно, как будто боялся нарушить магию момента.
— Что ж ты, господин, в наших краях делаешь?

Он стоял, не двигаясь, рука всё ещё на лбу, тени от пальцев падали на лицо. Он ждал. Вздохнувшая лошадь — нет, не лошадь, конь, — замедлила шаг, и всадник, в белых перчатках, с черной шляпой, украшенной золотым крестом, сжал поводья. Конь замер. Всадник — тоже.

Никто не заговорил. Только ветер, шелестящий в сене, и далёкое криканье утки, что, кажется, никогда не прекращалось.

Артём смотрел.
Он ждал.
И понимал: сегодняшний день больше не будет таким, как все остальные.
— Эй, ты!

Слуга бросил презрительный взгляд сначала на Артёма, словно оценивая его одежду — потёртый кожаный плащ, обветренные перчатки да небрежно заправленная рубашка, — а затем медленно перевёл взгляд на груженую тележку, за которой еле умещались два больших деревянных ящика с надписями «Хрустальные изделия» и «Доставка до 10 часов». Его губы дрогнули от отвращения, будто он только что попробовал испорченный плод: ненависть, холод и глубокое пренебрежение к тем, кто, по его мнению, не достоин быть замеченным даже в шлейфе дворцовой гордости.

— Где господин Королёв?

Голос его звучал резко, как удар металлической щётки по каменной кладке — жестко, без намёков на учтивость.

Артём, скрестив руки на груди, шагнул вперёд, приподняв бровь, и внимательно посмотрел на курьера — снизу вверх, почти вызывающе, словно проверяя, хватит ли у того духу на дерзость. Взгляд его был спокоен, но каждый миллиметр напряжённой силы говорил: «Я здесь. Я тот самый. И я не позволю тебе меня переиграть».

— Господин Королёв — это я.

Каждое слово выдавливалось размеренно, как капли воды из старой трещины. Никаких эмоций. Только абсолютная уверенность.

Слуга на мгновение застыл, глаза его расширились — будто впервые увидел живую легенду. Он резко выдохнул, будто получил физический удар под дых, и лишь через секунду осознал, что произошло.

— Приношу свои извинения, господин... — прошептал он, чуть поклонившись, — мой хозяин, господин Симонов, просил передать вам это лично.

Тут же, не теряя времени, он соскочил с коня — лошадь, казалось, была слишком великолепна, чтобы просто так стоять рядом с таким человеком, — и протянул Артёму тяжёлый, плотно завернутый лист, закреплённый восковой печатью с гербом семьи Симоновых: двуглавый орёл, держащий в когтях ключ и сердце. Край бумаги был обрезан ровно, как у императорской корреспонденции.

Артём взял письмо, осторожно разломил печать ногтем — не потому что был тороплив, а потому что знал: любой неверный жест может повредить содержание. Потом, не спеша, развернул лист. Текст был начертан чёткими, аккуратными буквами, словно вырезанными ножом по дереву.

«Уважаемый Артём,

Ваше предложение принято во внимание.

Пункты, указанные в вашем последнем письме, согласованы. Запрос на поставку лошади, срок — до 23 октября, условия оплаты — аванс 40% до даты перевозки. Подтверждение подписью — обязательно. Жду вашего ответного решения.

С почтением,

Артур Александрович Симонов»

На мгновение лицо Артёма осветилось — в уголках губ заиграла тень победной улыбки. Это было не просто «да», а долгожданное подтверждение. Проект, который он продумывал полгода, собирал документы, отстаивал в спорах, теперь официально входил в план действий. Он чувствовал: вот она — точка отсчёта.

Но стоило ему снова взглянуть на курьера — как его лицо стало суровым, будто тень прошла по маске. Глаза стали жёсткими, взгляд — железным.

— Скажите моему тестю, что я буду у него.

Говорил он тихо, но каждое слово въехало в пространство, как клинок в плотную щель между плитами. Не требование, не приказ — а окончательное решение.

Курьер кивнул — уже не с угрозой, а со странной внутренней решимостью, словно понял, что перед ним не просто бизнесмен, а тот, кто способен изменить судьбу целого города.

И, вскочив на коня, он помчался прочь, оставляя за собой дрожащий воздух и тишину, нарушаемую только стуком копыт.

14

Конюшни были для Алёны привычным миром — таким же естественным, как дыхание или отражение в воде. Здесь каждый запах, каждый звук, каждое движение тел, будь то хруст сена под ногами, скрип деревянных балок над головой или приглушённое фырканье лошадей в сбруе, вызывали у неё чувство покоя, почти благоговения перед простотой и порядком, который царил среди этих каменных стен, обрамлённых плющом и густыми ветвями старых клёнов. Её одежда — потрёпанное, серо-коричневое платье для верховой езды, с продольными швами, давно забытым цветом, — было уже частью этой среды: как морская пенка на берегу, как пыль на полках с амулетами и ленточками для уздечек.

Она работала здесь семь лет — с тех пор, как, потеряв всё, осталась лишь с собой и холодным воздухом в лёгких. Тогда она нашла себя в грязи, в поту, в трении кожи о кожаную сбрую, в том, как лошадь мягко опирается на твою руку, когда ты протягиваешь ладонь. Лошади — это не просто животные. Это живые, чувствующие существа, которые умеют слышать тишину внутри человека, даже если он сам не может её услышать. Они не спрашивают о прошлом. Не осуждают. Просто ждут — и дают ответ. И именно они, те самые белые, с серебристым блеском в гриве, с глазами, как утренний свет, — вернули её к жизни. После того, как она два года не могла выйти из комнаты, не видела ни одного лица, кроме собственного отражения в окне, лошади стали тем самым первым шагом обратно в мир.

Теперь, когда она входила в конюшню, люди замолкали. Кучера, бывшие военные, суровые, как железо, — взгляды их смягчались, когда она подходила. Жокеи, обычно рассерженные на своё недоступное искусство, иногда смеялись, глядя на то, как она, чуть наклонясь, разговаривает с лошадью, как с другом детства. А она действительно считала каждого своего питомца — своим. Особенно Дарлинг.

Дарлинг была настоящим чудом. Половинчатая арабка, с длинной, как у княгини, шеей, с глазами, цвет которых нельзя описать словами — скорее, это было восприятие: тёплое, как мед, и одновременно холодное, как лёд на поверхности озера. У неё был особый характер — молчаливый, но проницательный. Когда Алёна подходила, Дарлинг не всегда сразу оборачивалась. Иногда она просто смотрела куда-то в сторону, будто размышляла о чём-то, чего никто не мог бы знать. Но когда Алёна начинала говорить — мягким, почти невидимым голосом, — Дарлинг поворачивала голову, как будто услышала что-то важное. Как будто поняла.

Сегодня Алёна принесла ведро горячего корма — смесь овса, топлёного масла, сухофруктов и специй, которую сама готовила по рецепту, найденному в старом журнале, принадлежавшем бабушке. Горячий корм — это не просто еда. Это знак доверия. Это сигнал: «Я помню тебя». Она аккуратно вылила его в деревянное корыто, где ещё плавали капли пара, и тут же почувствовала, как Дарлинг, которая до этого спокойно щипала сено, внезапно замерла. Глаза её расширились, губы задрожали, и в этот момент — резкий, громкий, радостный хохот лошади, как будто кто-то ударил по колоколу в тайном уголке мира.

— Ну, Дарлинг... — прошептала Алёна, смеясь, — снова решила, что я тебе песенку спою?

Но в тот самый момент, когда она попыталась взять ведро, Дарлинг резко вскочила на задние ноги, взмахнула гривой, и рванулась вперёд — с такой силой, что ведро выпало из рук,

разлетелось в стороны, и корм разлился по полу, образовав широкую, блестящую лужу. Алёна едва успела отскочить, споткнувшись о башмак, но не испугалась. Наоборот — закрыла глаза, сделала глубокий вдох, втянула в себя запах сена, сырости, тепла, крови, страха и надежды — всё, что было в этом месте. И знала точно: теперь, через секунду, он войдёт.

Потому что только один человек в мире мог заставить Дарлинг так сильно реагировать — не на голос, не на запах, а на саму его присутствие. Только он.

Он стоял на пороге, в полутьме, в тени, почти незаметный. Никто не сказал ему, что она здесь. Он пришёл не по делу. Пришёл просто — потому что должен был быть.

Алёна не открывала глаза. Она уже знала, что он стоит там. Что сейчас начнётся то, что невозможно было предотвратить. То, что должно было случиться.

Ведь она никогда не уходила от него. Даже тогда, когда он ушёл.

И даже теперь, когда он вернулся — она уже не могла не встретить.

Артём Королёв прислонился к дверному косяку у входа в конюшню, словно нарочно выбрал эту позицию — чтобы быть между двумя мирами: светом и тенью, прошлым и настоящим. Лучи солнца, пробившиеся сквозь решётчатые окна и усыпанные пылью, обволакивали его сзади, очерчивая контур — высокий, стройный, уверенный. Его фигура казалась вырезанной из камня, но при этом — живой, напряжённой, как струна, натянутая до предела. Широкие плечи, ровные линии скул, плотно сжатые челюсти — всё это говорило о силе, собранной в одном человеке. Но главное — глаза. Темные, почти чёрные, как уголь, но в них не было холода. Было что-то другое — осторожность, внимательность, почти боль, которую он долго научился скрывать.

Его лицо оставалось в тени, пока он не сделал шаг внутрь. Сначала — тень, затем — движение, как будто сама ночь отделилась от стены и стала человеком. Он вошёл, не торопясь, с достоинством, которым не обладали многие из тех, кто проходил через эти двери. Ни один звук не нарушил тишину — ни скрип полов, ни фыркание лошадей. Даже Дарлинг, которая минуту назад прыгала, как сумасшедшая, замерла, будто почуяла опасность или — что страннее — родство.

— Доброе утро, Алёна, — произнёс он, и голос его был тихим, почти неслышным, но в нём было что-то такое, что заставляло кровь замедляться, мысли — останавливаться.

Он остановился в нескольких шагах от неё, не слишком близко, но достаточно, чтобы она почувствовала его присутствие. Потом — взгляд. Прямой, не мигающий. И в этот момент его внимание метнулось вниз, к её одежде.

Старое платье. Серо-коричневое, с затертой тесьмой, с пятнами от масла, с швами, которые уже не хотели держаться. Один из карманов был разорван — видно, в последнюю зиму она вспоминала, как использовать его, чтобы положить туда пару сухих трав или маленькую игрушку для Дарлинг.

Артём не улыбнулся. Он не сказал ничего. Но его бровь — та самая правая, которая всегда чуть выше левой, — медленно, почти незаметно приподнялась. Не насмешливо. Не снобски. Просто — удивлённо. Как будто он впервые увидел её в этом виде. Не как женщину в

вечернем платье, не как ту, что появлялась в газетах, не как героя, которого называли «выжившим» и «героиней». А вот так — в грязи, в пыли, в памяти, в часах, когда мир останавливался, и только лошади знали, что она ещё дышит.

— Я думал... — начал он, но замолчал.

Голос прервался. Не потому что не знал, что сказать. А потому что знал слишком много.

Он не мог сказать: «Ты должна быть в шёлке».

Не мог сказать: «Ты не должна быть здесь».

Может быть, он хотел сказать: «Ты всё ещё моя», но даже это — слишком.

Он просто стоял. Смотрел. И в этом молчании было больше, чем тысячи слов.

Алёна не двигалась.

Не отводила глаз.

Знала, что он пришёл не случайно.

Знала, что сегодня — день, когда всё изменится.

Или, возможно, закончится.

Она напряглась, словно струна, натянутая до предела — каждое движение, каждый вздох давали о себе знать, будто сердце билось в такт тревожному ритму, застывшему в груди. Вчера вечером Артём Королёв стал для неё тем самым человеком, кто вышел из сумрака страха, чтобы стать опорой. Его тёмный силуэт, чётко вырисовывающийся на фоне зари, отражавшей последние отблески заката, вызвал во мне почти физическое облегчение — словно он принёс с собой нечто большее, чем просто защиту: он вернул чувство контроля над собой, восстановил утраченную связь с реальностью. Его голос, мягкий, уверенный, почти успокаивающе произнесённый, дрожал от эмоций, но не терял решительности. Он говорил короткие, чёткие фразы, будто складывал из слов щит, который должен был выдержать любой удар.

Его присутствие было как свет в пещере — неяркий, но постоянный, освещавший самые глубокие уголки её души, где раньше царил хаос и тень подозрений. Она чувствовала себя безопасной рядом с ним — не потому что была слаба, а потому что он буквально «вытащил» её из того состояния, когда даже простые вещи, такие как дверные ручки или запах воды, вызывают дрожь. Её мысли, ранее рассеянные, как пепел, теперь стали плотнее, собрались в кулак — и это был уже не тот полузабытый кошмар, а живая, настоящая жизнь, которую можно было снова начать.

Но вот наступило утро. Солнечный луч, пробившийся через жалюзи, разрезал комнату резкой, холодной белой полосой. И тогда всё изменилось. Кажется, она увидела его по-новому — не как героя из ночного романа, а как живого человека, со всеми своими особенностями. В его глазах, обычно тёмных, словно горький шоколад, вспыхнул огонёк — игривый, почти насмешливый, чуть ли не хохотливый. Он улыбнулся, и в этот момент в голове мелькнула мысль: «А может быть, он слишком хорош, чтобы быть правдой?»

Эта улыбка, казалось, исказила маску серьёзности, которую она ему приписывала. Раньше он казался бесстрастным, неприступным — как древний монастырский камень, способный вынести любую бурю. Теперь же — он был живым, человеческим, с какой-то странной, почти провинциальной лёгкостью в движениях. Плечи расправил, руки на пояс, взгляд задер-

жался на ней — не требовательно, но с лёгкой иронией. Как будто сказал про себя: *«Ты, наконец-то, проснулась. А я тебя здесь ждал...»*».

И она поняла: да, он спас, но он же и создал иллюзию защиты. Может, она действительно нуждается в нём, но не так, как представляла. Не как в героическом спасении, а как в необходимости проверить — а не слишком ли велика эта надежда? Не станет ли она болью, если окажется, что он — всего лишь человек с добрыми глазами и легкой улыбкой?

Она сделала шаг вперёд, медленно, будто бы проверяя, не сработает ли ловушка. Её голос был мягким, но твёрдым — как ткань, которая не рвётся, но и не держится, пока не потестируешь.

— Артём...

Краткое имя, произнесённое сдержанно, почти официально. Ни благодарности, ни теплоты. Просто факт существования. Имя, которое вчера звучало как приговор — сегодня стало вопросом. Молчание повисло между ними, тяжёлое, как мраморная плита. Она смотрела прямо в его глаза, стараясь прочесть в них больше, чем просто отражение солнца. Но ничего, кроме той самой игры света, там не было — только огонёк, который уже не казался ей знакомым.

Он сделал ещё один шаг ей навстречу — медленный, уверенный, словно каждый шаг был частью заранее продуманного плана. От этого движения воздух вокруг него словно переменялся: стал тяжелее, плотнее, будто само пространство сжалось, стремясь вобрать в себя их обоих. Она инстинктивно отступила — нога соскользнула по сырой земле, ведро, которое она держала, резко застучало по металлическому полу, и этот звук, резкий, как тревожный сигнал, отразился эхом в её голове. Она замерла, будто оцепенев, — и в этом замешательстве почувствовала, как внутри что-то оборвалось, как будто её тело впервые за долгое время напомнило ей о себе, о своей чувствительности, о том, что страх — не только состояние, но и реакция.

Бросив на неё выразительный взгляд — пристальный, почти пронзающий, как взгляд хищника, которому известна вся игра, — Артём протянул руку к Дарлинг, словно предлагая не просто погладить, а передать что-то большее — укрепление, согласие, заверение. Лошадь осторожно повернулась к нему, несмотря на то, что её дикая природная сторона продолжала сопротивляться. Губы её слегка приподнялись, как будто она узнавала кого-то давно забытого. И тут Алёна впервые почувствовала, что её страх — не только от страшных событий, происшедших вчера, но и от самого факта его присутствия.

15

Сердце у неё всё ещё учащённо билось — не от тревоги, а от чего-то другого. Настоящей, животной, почти болезненной чувствительности. Когда он подходил, она ощущала это не только зрительно, но и внутренне — как будто его тело излучало некую энергию, которая заставляла кровь быстрее течь по венам, заставляла кожу покалывать, а дыхание становилось короче. Это было не просто желание быть рядом — это было ощущение, что мир вокруг становится меньше, а он — единственным источником порядка.

Она уже пережила это вчера вечером, когда он вышел из тени, с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.